

Секция 3. Трансграничное сотрудничество в регионе «Большого Алтая»

В.А. Абрамов, Г.А. Антонов

Проблемы борьбы с международным терроризмом и трансграничное сотрудничество в регионе «Большого Алтая»

Актуальность исследования проблем борьбы с терроризмом не вызывает сомнений. Это социальное явление оказывает мощное негативное влияние не только на безопасность отдельных государств, но и на международную стабильность в целом.

События последних лет показывают, что терроризм перестал иметь национальный характер и границы. Из локальной тактической угрозы он превратился в угрозу региональную и глобально-стратегическую, затронув самые разные стороны социальных, политических, гуманитарных и экономических отношений, являясь их же порождением.

Терроризм перестал быть преступной деятельностью лишь узкой группы людей, как это было в недалеком прошлом. Достигнув глобального масштаба в своей деятельности, международные террористические организации привлекают в свои ряды все большее количество участников, распространяя среди них специфическую идеологию.

Трагические цифры статистики свидетельствуют, что за последнее десятилетие количество террористических акций в мире увеличилось вдвое, а масштабы человеческих и материальных потерь сопоставимы с потерями в локальных вооруженных конфликтах.

Результаты отечественных и зарубежных исследований, практический опыт борьбы с этим феноменом показывают постоянное повышение уровня подготовки и исполнения террористических акций, эффективную идеологическую и психологическую мотивацию руководителей и рядовых исполнителей, возрастающее финансовое стимулирование представителей всех звеньев в системе «международного террористического интернационала».

Так, в перспективах трансграничного сотрудничества в регионе «Большого Алтая» между Россией и Китаем (Синьцзян-Уйгурский автономный район), особый интерес представляет террористическая организация «Восточный Туркестан», провозгласившая своей целью создание «Восточно-Туркестанского халифата».

«Восточный Туркестан» осуществляет подрывные террористические акции на территории КНР и за ее пределами с помощью боевиков, прошедших подготовку в Афганистане, имеющих связи и с «Аль-Каидой», и с чеченскими боевиками. В сентябре 2002 г. Совет безопасности ООН признал исламское движение «Восточный Туркестан» международной террористической организацией.

Китайские органы общественной безопасности, придерживаясь основной правительственной линии в работе с представителями этнических меньшинств и различных религиозных конфессий, направленной на соблюдение законных прав и интересов граждан всех национальностей, принимают жесткие меры в отношении этой террористической организации.

Активизировались усилия властей нашего восточного соседа по принятию законов, касающихся антитеррористической деятельности. 29 декабря 2001 г. на 25-й сессии Постоянного Комитета 9-го Съезда народных депутатов была принята поправка №3 к Уголовному кодексу КНР, согласно которой изменился и расширился список преступлений, относящихся к разряду террористических.

Китайское правительство издало, а также дополнило ряд постановлений и нормативных актов, касающихся антитеррористической деятельности: «Административные правила КНР по экспорту военной продукции» и «Правила по контролю за ядерной продукцией двойного назначения и смежным технологиям». При Министерстве общественной безопасности был создан Департамент по борьбе с терроризмом.

Все эти меры играют важную роль в процессе экономического, научного и межкультурного развития автономных областей КНР и областей РФ региона «Большого Алтая».

В последние годы в десятках стран проведены различные симпозиумы и практические конференции, посвященные вопросам борьбы с международным терроризмом. Однако пока эта борьба малоэффективна. На наш взгляд, это следствие ряда причин.

Во-первых, сотрудничество в области научного анализа и практической борьбы с международным терроризмом продолжает зависеть от политической конъюнктуры.

Во-вторых, теории и практике борьбы с международным терроризмом вредит политика «двойных стандартов», проводящая границу между «плохими» и «хорошими» террористами, между мятежниками и партизанами и т.д.

В-третьих, отсутствует единое межгосударственное правовое поле и адекватное юридическое определение международного терроризма, что ведет к нивелированию самого понятия борьбы с ним, которая используется в международной практике и для решения совершенно конкретных геополитических, экономических задач отдельных государств.

В-четвертых, отсутствие гармонизации антитеррористического правового поля ведет к противостоянию и конфликтам между национальными законодательствами стран-партнеров в обеспечении и осуществлении адекватных действий в отношении международного тер-

роризма. Принцип гармонизации антитеррористического правового поля в этом случае должен основываться на тезисе о невозможности обеспечения собственной национальной безопасности без обеспечения безопасности стран-партнеров, мирового сообщества.

В-пятых, налицо недостаточная региональная и глобальная координация деятельности спецслужб и консолидация научного мирового сообщества, разрабатывающих комплекс мер по изучению, анализу и практической их реализации в ликвидации, недопущении дальнейшего возникновения предпосылок появления и воспроизводства международного терроризма.

В этой связи представляется, что необходимая координация и консолидация усилий ведущих государств мира в борьбе с международным терроризмом, в ущерб сложившемуся социокультурному менталитету, должна базироваться на общих методологических подходах, представлениях об истоках и причинах, признаках и особенностях международного терроризма. Только на этой основе можно выработать единый и всеобъемлющий комплекс мер борьбы с ним.

Отечественная методология и теоретическая рефлексия, представляющая этот сложный социальный феномен как «новое» явление, приводит к различным, порою противоречащим друг другу его субстанциональным характеристикам. И в огромном массиве западной литературы [1] по проблемам терроризма «концептуально проблема не разработана, и это даже считается не вполне уместным» [2].

В самых общих, но принципиальных методологических чертах, истоки, признаки, особенности международного терроризма, а значит, и комплекс мер борьбы с ним, можно представить следующим образом.

Истоки и причины международного терроризма. Истоки международного терроризма в современных условиях имеют причинно-следственную связь с политическими, социальными, экономическими, правовыми и иными национальными и транснациональными процессами, историческими и межкультурными конфликтами. Международный терроризм – результат нерешенных этнических, политических, идеологических, экономических или социальных конфликтов. Необходимо учитывать, что в этих процессах международный терроризм является «инструментом» политики тех, кто рассматривает себя «угнетенным» и «преследуемым» за религиозные, политические и другие взгляды.

Признаки и особенности современного терроризма. Исходя из рассматриваемой методологии социальной детерминированности международного терроризма как обусловленного системного социального явления, следует отметить, что его отличительные особенности заключаются, прежде всего, в организованности и постоянных изменениях, ин-

тернационализации и сложностях, связанных с идентификацией террористических групп. Появление подобных сложностей объясняется и возникновением такого нового понятия, как «сеть». Этот тип структуры международного терроризма пришел на смену организации с жестко определенными идентификационными особенностями. Крупные сложноструктурированные террористические организации, сравнимые с государственными структурами, сегодня трансформируются в сравнительно небольшие по численности мобильные группы, демонстрирующие способность к глубокой интеграции в различные сферы общества.

Например, самым опасным по проявлениям является терроризм во имя ислама, носящий известное название «всемирного джихада», коренящийся внутри международной системы «dawa», включающей в себя и радикальную исламскую пропаганду, эксплуатирующую антикапиталистическую и антиимпериалистическую риторику. Основными чертами главной структуры «Аль-Каиды» являются децентрализованная структура, отсутствие единого руководства, наличие множества руководителей и различных уровней, на которых инициируются террористические акции, маневренность, стремление к применению оружия массового поражения. Их деятельность не ограничивается какой-либо конкретной территорией, а широко распространена в зонах конфликтов, которые характеризуются слабым контролем со стороны государства или государств.

«Аль-Каида» стремится к созданию биологического оружия, такого как антракс, радиологического оружия («грязная бомба»), предпринимает попытки получить ядерные материалы или ядерное устройство.

Не случайны утверждения, что формирование подобных террористических организаций требует, прежде всего, наличия следующих условий: финансовых источников, популярной идеологии, доступа к оружию и взрывчатым веществам, военных знаний и возможности обучения военному делу своих членов, доступных надежных убежищ, предполагающих наличие государства, которое поддерживает террористов и вне своей территории. В этой связи необходимо отметить тенденцию роста популярности идей исламского фундаментализма в отдельных европейских странах, проявляющуюся в предоставлении убежища террористам, больше того – *apologizing terrorism* – оправдании терроризма.

Государство, реализующее эту политику «двойных стандартов», создает терроризму необходимые условия. Но более опасными в этом смысле являются попытки создания международным террористам имиджа национальных героев.

Одной из особенностей международного терроризма является отнесенное разнообразие объектов террористических посягательств.

Если в недалеком прошлом к их числу относились представители власти, политические деятели, дипломаты, финансовые учреждения и другие «символы государственного империализма», то сегодня жертвы террористов – мирные граждане в «Норд-Осте», московском метро, кафе, стадионе, мадридских поездах.

Спецификой и индикатором террористической активности являются международные каналы нелегальной миграции. Численность нелегальных мигрантов во всем мире сегодня определяется примерно в 130 млн. человек, с ежегодным приростом от 3 до 4 млн. Каналы нелегальной миграции широко используются и направляются террористическими организациями. Даже маршруты нелегальной миграции пролегают из регионов, в которых активность террористической деятельности наиболее высока.

Международный терроризм черпает свою силу и мощь в источниках его финансирования. Сам механизм финансирования также подвергается постоянным изменениям. К ним относятся, прежде всего, неограниченные возможности системы связи по Интернету, мобильным телефонам, использование официального радио или телевидения. Террористами активно используются не только возможности информационных систем, но и базовых промышленных инфраструктур.

Культура происхождения финансовых источников терроризма различна. Государственный терроризм опирается на государственные финансы; религиозный – на собранные средства в религиозных общинах; идеологически мотивированный терроризм – на идеологически симпатизирующих сторонников и почитателей; этнические направленный терроризм – на соответствующие этнические группы.

Внутренние каналы финансирования связаны с криминальной деятельностью этнических организованных преступных групп, легальной деятельностью подконтрольных им юридических и физических лиц. В этом плане особый интерес представляют рост и масштабы наркобизнеса, его интеграции с международным терроризмом.

В отличие от организованной преступности, где речь идет о противоправной, преступной деятельности, предсказуемой и контролируемой, финансирование международного терроризма – вполне легальная деятельность, которую невозможно до конца раскрыть и предотвратить с помощью уже известных средств и методов.

Внешние каналы финансирования связаны с рядом международных (исламских) общественных и гуманитарных организаций, обеспечивающих поступление от них «пожертвований», поставки необходимой техники, вооружения и снаряжения.

Таким образом, анализ и выработку всеобъемлющих комплексных мер национальной и глобальной стратегии борьбы с международным

терроризмом ученые и практики должны увязывать с перечисленными истоками и причинами, особенностями и признаками современного терроризма, детерминируемыми противоречивыми явлениями политической, экономической, социальной, межкультурной международной жизни.

Борьба с глобальными или национальными угрозами, исходящими от этой преступной международной системы, не может быть ограничена лишь попытками пресечения террористических акций или расследованием их последствий. Основной смысл борьбы состоит в ликвидации и недопущении дальнейшего возникновения предпосылок появления, воспроизводства международного терроризма как системного социального явления.

Решение этой задачи не может быть прерогативой спецслужб, одной или нескольких стран или их региональных объединений. Координация их усилий в борьбе с международным терроризмом невозможна без консолидации усилий научного, гуманитарного международного сообщества, совместно разрабатывающего комплекс мер дипломатического, экономического, социально-гуманитарного воздействия.

Этот комплекс мер должен заключать в себе проблемы:

- прекращение финансирования международного терроризма в структуре глобальной финансовой системы;
- установление, обнаружение и предотвращение (ликвидация) финансирующих структур;
- устранение причин и условий, способствующих формированию идеологии и структур международного терроризма;
- новый уровень межгосударственного взаимодействия, базирующийся на новых (антитеррористических) принципах международных отношений;
- укрепление антитеррористической международно-правовой базы;
- гармонизирование единого международного правового поля;
- повышение роли в решении проблем антитеррористической борьбы региональных организаций;
- предотвращение попыток привлечения эмигрантов и заключенных в систему международного терроризма.

Научная активизация ученых региона на всех дисциплинарных уровнях, трансграничное расширение совместных базовых исследований в многостороннем формате будет, несомненно, служить глубокому пониманию, анализу и устранению причин и условий, способствующих формированию идеологии и практики международного терроризма.

Примечания

1. The Age of Terror: America and the World after September 11 / S. Talbot, N. Chanda (eds). Yale, 2001; Implicating Empire: Globalization and Resistance in the 21-th Century World Order / S. Aronowitz, H. Gauthey (eds). N.Y., 2003; Зарубежное законодательство в борьбе с терроризмом / Отв. ред. И.С. Власов. М., 2002.

2. Федотова В.Г. Терроризм: попытка концептуализации // Внешняя политика нового века. Т. 7. 2002. №4. С. 196.

А. М. Бетмакаев, Е. В. Уфимская, Ю. Г. Чернышов Международные проблемы глазами барнаульцев, 2004 г.

С 21 по 25 февраля 2004 г. на базе учебно-научной лаборатории Алтайского государственного университета «Алтайская школа политических исследований» (руководитель – профессор, заведующий кафедрой ВИМО Ю.Г. Чернышов) был проведен опрос на тему «Международные проблемы глазами барнаульцев». Это уже третий опрос в серии такого рода исследований (первые два состоялись в 2000 и 2002 гг.) [1]. Для студентов АлтГУ специальности «Международные отношения» это – составная часть производственной практики на завершающем этапе обучения.

Важность и практическая ценность любого опроса состоит в том, что он помогает выявить отношение населения к той или иной проблеме; сопоставление же итогов опросов по стандартизированной анкете позволяет проследить динамику в хронологическом срезе – как меняется оценка места России в мире, кого респонденты считают потенциальными партнерами и вероятными противниками России.

Как и в предыдущие годы, методом случайной выборки было опрошено 500 респондентов, среди них 49% мужчин и 51% женщин. Были выдержаны квоты по возрасту и образованию, что позволяет считать выборку вполне репрезентативной.

Первый вопрос анкеты касался современного положения России в мире. Как и прежде, мнения разделились на диаметрально противоположные. В том, что Россия остается великой державой, уверены 32% опрошенных. В 2002 г. таких было больше на 1,6% (данный показатель находится в пределах статистической погрешности), а в 2000 г. меньше на 6,9%. Среди респондентов с таким мнением всегда преобладают женщины, люди среднего и старшего возраста. Такое же количество – 32% опрошенных – указывают на зависимое положение сегодняшней России на международной арене. Приходится отметить тенденцию к увеличению этого показателя на 5,1% в сравнении с 2000 г. и на 4% – с 2002 г. Увеличилось и число тех, кто считает, что с Россией считают-

ся лишь по традиции, не воспринимая ее всерьез. С этим согласны 28% респондентов (в 2000 г. показатель был ниже на 3,8%). В четыре раза (до 3%) снизилось по сравнению с 2000 г. число тех, кто затруднился ответить на этот вопрос.

Наиболее эмоционально были восприняты вопросы о вероятных партнерах и противниках современной России. В сравнении с 2002 г. свое лидерство в ряду партнеров утратила Германия, получившая 25% (против 30,8% в 2002 г., в 2000 г. – 18,9%). На первое место, как и в 2000 г., снова вышел Китай – 30% (26,2% в 2002 г. и 26,4% в 2000 г.). Подобное предпочтение барнаульцев может быть связано с развитием трансграничного сотрудничества России и Китая – в частности, в рамках Международного Координационного Совета «Наш общий дом – Алтай». Третьи позиции в списке партнеров России поделили Белоруссия и Казахстан, получившие поддержку 17% населения Барнаула. Далее следуют «государства СНГ» – 16%, Франция – 13,5%, США – 13%, Индия – 11,5%, Украина – 11%. Следует отметить резко возросшие рейтинги Казахстана (в два раза) и Индии, при столь же резком снижении показателей США (в 2002 г. – 28,6%, в 2000 г. – 20,7%) и Японии (в 2004 г. – 4,5%, в 2002 г. – 11%, в 2000 г. – 18,6%).

Среди вероятных противников абсолютное лидерство принадлежит США – 51,5%, далее следует Китай – 14,5%, Великобритания – 10%, четвертое место делят «Западная Европа в целом» и Япония – 7,5%. По итогам трех опросов можно говорить о стабильном восприятии США в качестве главного и наиболее опасного вероятного противника России. По сравнению с 2000 г. (45,4%) и 2002 (44,4%) г. этот показатель самый высокий, что позволяет говорить о нарастании антиамериканских настроений в обществе. Причиной этому могут служить действия США в Ираке, размещение военных баз в непосредственной близости от границ России и др. Обращает на себя внимание и растущая настороженность в отношении Китая (в 2000–2002 гг. этот показатель был ниже, как минимум, на 6%). Это объясняется, скорее всего, тем, что в СМИ активно обсуждаются угрозы заселения китайскими мигрантами приграничных российских территорий. Среди других вероятных противников чаще стали указывать страны Прибалтики и мусульманского мира (в том числе Чечню, ошибочно воспринимаемую некоторыми как отдельное государство). Что касается стран Прибалтики, то их негативное восприятие связано с политикой ущемления прав российского населения, проживающего в Литве, Латвии и Эстонии. Страны мусульманского мира попали в категорию государств-противников России на фоне обострения угроз международного терроризма, центром которого традиционно считаются эти страны.

Примечательно то, что страны, отнесенные к противникам, также назывались и в ряду потенциальных партнеров. По мнению отдельных респондентов, фактор экономической мощи страны и ядерный потенциал могут быть как основой сотрудничества, так и причиной соперничества государств.

Сопоставление «положительного» и «отрицательного» рейтингов позволяет установить, что наиболее высоки индексы позитивного восприятия у имеющего протяженную общую границу с Алтайским краем Казахстана (+34), традиционно воспринимаемой как «дружественная» Индии (+23), стран СНГ в целом (+16), Франции (+13,5), Германии (+7), Белоруссии (+4,2). Индексы негативного восприятия отмечены у мирового лидера США (-4), Великобритании (-2,2) и Японии (-1,7), а также у мусульманских стран Азии (-1,3).

Расширение НАТО на Восток оценивают как серьезную угрозу безопасности России 32,2% респондентов (значительный перевес среди них составляют мужчины). Это на 2,8% меньше, чем в 2002 г. и на 6,1% меньше, чем в 2000 гг. 18,2% респондентов ответили, что это обстоятельство ограничит влияние России и в СНГ, и странах Восточной Европы (данный показатель также снизился). То, что расширение НАТО – положительная тенденция, которая ускорит вступление России в этот блок, считают 9% (среди них преобладают женщины, молодежь). Таким образом, респонденты высказывают суждения скорее о негативных последствиях расширения НАТО для России, хотя уровень опасений несколько снизился.

В целом проведенный опрос выявил достаточно высокий уровень интереса жителей города к проблеме места России в мире. При сохранении разницы в оценках между различными социально-демографическими группами отмечаются и некоторые общие тенденции, связанные с изменениями ситуации в регионе, в стране и в мире. Эти тенденции, на наш взгляд, было бы полезно учитывать при выработке национальной политики, определении приоритетов в развитии международного и трансграничного сотрудничества.

Примечания

1. Подробнее см.: Гордок С.А., Малышева Н.С. США, НАТО и Россия: проблема эволюции взаимоотношений // Дневник Алтайской школы политических исследований. №17. Современная Россия и мир: альтернативы развития. Вступление России в ВТО. Борьба с международным терроризмом. Женщина и политика. Барнаул, 2002. С. 244–255; Чернышов Ю.Г. Место России в мире: кризис утопической самооценки // Мировая политика, международная безопасность и транснациональные процессы в XXI веке: уроки, вызовы и выбор России. М., 2003. С. 233–237.

В.С. Бойко
**Азиатская Россия – зарубежная Азия:
перспективы трансграничного и межрегионального
сотрудничества на алтайском направлении**

Трансграничное и межрегиональное сотрудничество – экономический императив для большинства государств мира. В такой же степени это относится и к России, значительная часть которой расположена в Азии. Азиатская часть современного российского государства граничит со многими разными по уровню экономического развития и внешнеполитическому курсу странами, но несомненной уникальностью пространственно-географического профиля обладает Российский Алтай (РА, в составе Алтайского края и Республики Алтай), сопредельный с Казахстаном, Китаем и Монголией.

В постсоветский период было выдвинуто несколько формул внешних связей Российского Алтая: к началу 2000-х гг. наиболее рельефно обозначилась идея международного транзита – прокладки мультимодального транспортного коридора Синьцзян – РА, в перспективе могущего стать одним из мостов евро-азиатского сотрудничества. Но геополитическая и экологическая проблемность этого проекта заставила обе стороны отложить его осуществление на неопределенный срок. Тогда же в ходе активизировавшихся контактов приграничных регионов России, Казахстана, Китая и Монголии возникла идея Большого Алтая [1]. Это идея взаимодействия по типу еврорегионов с элементами институционализации этого процесса (координационный совет представителей законодательных ветвей власти и пр.) и всестороннего углубления хозяйственных, культурных и иных связей на базе комплементарности региональных экономик и цивилизационной близости территорий, составляющих Большой Алтай. Однако уже на начальных стадиях проекта возникли сложности правового, организационного характера, помноженные на субъективные факторы – чрезмерную персонализацию контактов, различия в стратегических подходах и «технологиях» трансграничного/межрегионального сотрудничества. Сказывалось и недостаточное внимание к нему со стороны центров, международных организаций. Идея Большого Алтая («Алтай – наш общий дом») уже нашла претворение в электронных ([http:// www.altaiinter.org](http://www.altaiinter.org)) и организационных формах, однако ее дальнейшее развитие зависит от многих обстоятельств.

Между тем, собственно российский и зарубежный опыт трансграничного/межрегионального сотрудничества показывает, что развитие этого направления внешних связей требует целого ряда согласованных мер на центральном (федеральном) уровне, политической воли и науч-

но-организационного сопровождения на местах, а также инициативы бизнес-сообществ. Важным представляется и вопрос о приоритетах, направлениях внешнеэкономических и иных связей – именно эти параметры определяют социальный и экономический эффект торговли, хозяйственного и культурно-образовательного взаимодействия, миграционных обменов регионов-партнеров и других субъектов сотрудничества.

Как представляется, перспективным направлением хозяйственной активности и культурно-образовательных обменов должна оставаться (а фактически – заново стать) Центральная Азия. Российский Алтай исторически и цивилизационно интерферируется с этим макрорегионом, выступая его северной окраиной. Не менее важны и экономические резоны, причем вектор внешних связей естественно простирается не только в сторону приграничных территорий соседних стран, но и самых отдаленных уголков транс-азиатского пространства. Вероятно, поэтому в 2003 г. в департаменте внешнеэкономической деятельности администрации Алтайского края (АК) рассматривался план сотрудничества с Таджикистаном, а вне государственных структур этот процесс интернационализируется еще более быстрыми темпами – бизнес-структуры и отдельные предприниматели Алтая устанавливают связи с партнерами из Афганистана, других государств Среднего Востока и Южной Азии. Именно центрально-азиатское (в том числе китайское, конкретно – синьцзянское) и афгано-пакистанское направления выглядят наиболее перспективными. Хотя номенклатура торговли и других видов связей АК – зарубежной Азии ограничена целым рядом факторов – многократностью таможенных и других трансграничных процедур, дальностью транспортировки, особенностями логистики и др. Но даже с учетом этих сложностей она может быть расширена за счет дополнительного изучения местных рынков и вновь возникающих производств.

Еще одна, пока стихийно развивающаяся форма взаимодействия Азиатской России и ближнего зарубежья – трудовая миграция из центрально-азиатских государств. Она давно переросла сезонные рамки и стала массовым явлением, хотя миграционные потоки в каждый из российских регионов (в данном случае – области и края Сибири) отличаются по интенсивности, социально-профессиональному профилю и др. Миграционными воротами в Азиатскую Россию является Новосибирск с его международным аэропортом и относительно развитой транспортной схемой – регулярные маршруты в Ташкент и Душанбе стали «мостами жизни» для избыточного трудового населения Центральной Азии. Часть этого потока достигает и Алтайского края, но по многим социальным и экономическим причинам не становится инструментом развития этого региона.

Между тем, в самой Центральной Азии, в частности, в Ташкенте, разрабатываются проекты организованного использования избыточной рабочей силы из Узбекистана в экономике Сибири – социальная ситуация в этой многонаселенной республике достигла необычайной остроты. Осуществление проектов такого рода могло бы стать одним из вариантов (хотя бы и временных) решения социально-демографических проблем азиатского приграничья России. Альтернатив немного: в среднесрочной перспективе – гипотетическое использование северокорейцев в случае «открытия» этой страны, наконец, алармистский для всех вариант – китайцы, причем неизбежно только ханьцы, поскольку ни китайские власти, ни сама ситуация в центрально-азиатском анклав КНР – Синьцзяне – не допустят иного решения миграционной проблемы.

Еще одна сфера возможного сотрудничества АК с центрально-азиатскими государствами – образование и наука: именно на Алтае формируется авторитетная в России и за ее пределами школа исследования Центральной Азии, здесь на вузовском уровне организовано преподавание истории и современных проблем этого макрорегиона, правда, пока в ограниченном охвате (Казахстан, Синьцзян). Обмены студентами и преподавателями (на квотной и других основах), архивные и полевые исследования, совместные научно-образовательные проекты специалистов всего спектра гуманитарных и естественнонаучных дисциплин на Алтае и в Центральной Азии – задачи уже сегодняшнего и завтрашнего дней.

Как уже упоминалось, перспективно для трансграничного сотрудничества афгано-пакистанское направление: при всех коллизиях многолетней гражданской войны в Афганистане там сохранялись формы экономической и социальной жизни, а местные бизнесмены и их наиболее предприимчивые партнеры даже в экстремальных условиях достигали неплохих результатов. Несмотря на усилия международного сообщества, в Афганистане сохраняется напряженная ситуация, но потребности постепенно восстанавливаемой экономики порождают новые предложения: так, высок спрос на стройматериалы, промышленные изделия, некоторые виды сельхозпродукции. На Алтае и в Сибири в целом опыт сотрудничества с Афганистаном был накоплен еще в 1980-е гг.: отдельные предприятия (Алтайстрой и др.), государственные (в том числе образовательные) учреждения освоили тонкости хозяйственного и иного сотрудничества с одним из самых «проблемных» государств Азии. Свообразным свидетельством этих перемен выступает афганская этническая община в Барнауле – одна из самых многочисленных за пределами российских столиц – Москвы и Санкт-Петербурга.

Дополнительным аргументом в пользу налаживания российско-афганских связей на их алтайском направлении является тот факт, что

географически Алтай ближе других регионов России расположен к Афганистану, а также Пакистану. Вероятно, это обстоятельство позволило некоторым алтайским предпринимателям наладить успешный бизнес с афганцами – они освоили тонкости наземной транспортировки товаров через три границы, повадки и деловую культуру партнеров: даже небольшие фирмы ухитряются поставить в Афганистан в течение года до 100 вагонов дефицитного соснового бруса, при том, что за пределы края продается только внутренняя, менее ценная часть древесины, вполне пригодная для сухого южноазиатского климата. Такие поставки – подспорье и для местных лесхозов. Часть алтайской древесины перепродается далее в Пакистан – десятилетия афганского конфликта извели лесные массивы и там, особенно в приграничных с Афганистаном провинциях, где в 1980-е – 1990-е гг. обосновались несколько миллионов афганских беженцев. Увы, иногда заключительный результат движения алтайских товаров в зарубежную Азию – их перепродажа вопреки тамошним законам, но, например, контрабандное движение товаров – скорее правило, чем исключение по всему периметру афгано-пакистанской границы.

Пакистан – пока новый, и весьма перспективный партнер для Азиатской России. Примерно с середины 1990-х гг. пакистанская сторона неоднократно выступала с инициативами сближения с Россией по целому ряду военно-политических, экономических и научно-образовательных вопросов. Подобную тенденцию можно объяснить возрастающей маргинальностью международного положения Пакистана – своего рода расплатой за многолетнее содействие воинствующим исламистским силам регионального происхождения и нестабильность внутренней ситуации. Эта маргинальность фактически сохраняется, несмотря на усилия Пакистана по сохранению «особых» отношений с США и другими государствами проамериканской ориентации. Данное обстоятельство побуждает пакистанские власти и имеющиеся в их распоряжении интеллектуальные силы к поиску новых программ международной активности своей страны, особенно в условиях противостояния с Индией. Россия, сама испытывающая проблемы на международной арене и потерявшая былое влияние, в этом смысле кажется Пакистану подходящим партнером, способным составить жизнеспособные схемы альтернативной региональной политики в духе идей многополярного мира.

В принципе, российско-пакистанское сотрудничество – это естественное продолжение связей России с Центральной Азией и Афганистаном. Его новый формат (азиатские регионы России – Пакистан) пока осваивается на Алтае лишь некоторыми предприятиями и отдельными бизнесменами: например, Тальменский машиностроительный завод поставляет запчасти для экспортированных ранее в Пакистан

тракторов «Беларусь». Это, безусловно, вторичный рынок, но дело в том, что парк тракторов «Беларусь» в этой стране количественно сопоставим с российским, кроме того, по признанию самих пакистанцев, эта марка – наиболее подходящая для тамошних почв. Однако вести такой бизнес непросто – товар отправляется морским путем через Санкт-Петербург до порта Карачи, в этой схеме пока задействованы и белорусские товаропроизводители. Между тем, существуют наземные маршруты – через Центральную Азию, кроме того, перспективным рынком является и Афганистан. В делах с южноазиатами необходимо упрощать бизнес-схемы, но в ряде ситуаций посредники не кажутся лишними. Речь идет прежде всего об упоминаемой выше афганской общине (диаспоре) – хотя ее наиболее предприимчивая и квалифицированная часть осела в Москве и во многих государствах Запада и Востока, опыт и знание местных условий могли бы сыграть хорошую службу при налаживании новых связей Азиатской России с зарубежной Азией. Правда, афганская община не всегда экономически заинтересована в этом – ее члены подчас сознательно вводят в заблуждение основные стороны, добиваясь своих собственных целей или просто тормозя весь процесс.

В этом смысле было бы незаменимо участие в налаживании трансграничного и иных видов сотрудничества российских регионов с азиатским зарубежьем афганцев и пакистанцев, в свое время учившихся или живших в СССР/России. Их знание русского языка, обычаев и традиций наших народов, сохранившиеся человеческие связи – хорошая предпосылка для развития межгосударственных, межрегиональных отношений. Увы, этот капитал остается, как правило, незадействованным. Только в крупнейшей пакистанской провинции Белуджистан ныне проживают тысячи белуджей (представителей одного их древнейших и наиболее угнетенных народов Азии), когда-то учившихся в СССР. Они помнят о том, что сделала для них Россия и готовы внести свою лепту в развитие связей нашей страны с ее близкими и дальними соседями.

Предпринятый выше краткий обзор возможностей трансграничного сотрудничества Азиатской России и зарубежной Азии (в основном на примере Алтайского края) позволяет заключить, что это направление станет одним из элементов долгосрочной стратегии российского Центра и регионов – сотрудничества с цивилизационно близкими и геополитически/геоэкономически важными государствами Азиатского континента.

Примечания

1. Впервые эта идея в ее нынешнем виде была сформулирована на международной научно-практической конференции в Барнауле

(30 октября – 1 ноября 2000 г.). См. ее материалы: Сибирь в структуре трансазиатских связей: проблемы приграничной торговли и межрегионального взаимодействия / Под ред. В.С. Бойко. Барнаул, 2000. Еще раньше, в конце 1990-х гг., практические и теоретические вопросы внешнеэкономических связей сопредельных территорий России, Казахстана, Китая и Монголии решались С.Ю. Ножкиным, советником главы администрации Алтайского края. Летом 2000 г. концепция Большого Алтая получила новое выражение – она стала элементом электронного сайта «Центральная Азия: взгляд из Сибири» лаборатории «Россия и Восток» Барнаульского госпедуниверситета.

О.В. Боронин

Этнический фактор безопасности приграничных регионов: к постановке проблемы

При рассмотрении вопросов безопасности приграничных регионов необходимо учитывать фактор этнической ситуации. Полиэтничность приграничных регионов несет в себе потенциал реальных и гипотетических угроз безопасности. Мы определяем четыре из них как наиболее вероятные и опасные.

Угроза этнических конфликтов. Для приграничных территорий эта угроза наиболее значима, потому что приграничные регионы, находящиеся «в гуще межэтнических пересечений», в некоторых аспектах отходят от общегосударственных политических стандартов, при этом Центр часто имеет ограниченные возможности оказывать влияние на выработку «региональных правил игры» и может утратить контроль над этнической ситуацией. Наиболее важными факторами эскалации межэтнической напряженности являются политическая пропаганда, психологические и социальные изменения, возникшие в обществе. В приграничных регионах вероятность действия данных факторов повышается. В случае наличия в регионе этноса-ирредента, политическая пропаганда, подталкивающая к конфликту, может носить, с одной стороны, трансграничный характер, а с другой стороны, исходить от тех или иных структур титульного этноса или этнического большинства с лейтмотивом, например: «Убирайтесь на историческую родину, тем более что она рядом, а то мы фактически визуально наблюдаем притеснения наших соотечественников со стороны ваших собратьев». В социально-психологическом плане конфликт может возникнуть в результате того, что представители этноса-ирредента могут полагать, что они проживают в условиях психологического дискомфорта и социальной дискриминации в сравнении с соотечественниками по другую сторону государственной границы, а причина тому – действия этнического большинства или титульного этноса. Этноконфликтный потенциал приграничных регионов может повышаться в

связи с миграционными процессами. Так, многие русские и русскоязычные мигранты из Казахстана в Алтайском крае оседают именно в приграничных районах, где проживают этнические казахи: отношение этих мигрантов к казахам достаточно негативно, т.к. они считают, что в Казахстане подвергались дискриминации со стороны казахов. Опасность этнического конфликта в приграничном регионе связана и с тем, что велика вероятность вступления в конфликт внешнеполитических акторов, и перерастание этнического конфликта в межгосударственный. Показательный пример – Карабахский конфликт, переросший в противостояние между Азербайджаном и Арменией; кроме того, в ходе этого конфликта его участником чуть было не стал Иран, стремившийся обеспечить безопасность собственной территории.

Угроза территориальной целостности государства. В приграничных регионах вероятно угроза сепаратизма. Сепаратизм может принимать две формы: **сецессию** – выделение региона или его части из государства с образованием нового государства; и **ирредентизм** – стремление чаще всего этноса-ирредента/разделенного народа к воссоединению с проживающей по другую сторону границы этнической общностью, которая во многих случаях является титульной для сопредельного государства этносом. В качестве проявления сепаратизма в приграничных регионах в форме стремления к сецессии можно привести пример чеченского сепаратизма. Однако движения за сецессию имели место в российской истории и в «нетрадиционных» регионах. В 1904 г. в Горном Алтае среди алтайцев развернулось достаточно широкомасштабное движение бурханистов, которые выступали за отделение Горного Алтая от России и воссоздание независимого Государства Ойратов. Бурханисты подверглись репрессиям со стороны государства и гонениям со стороны русских. В настоящее время сторонники бурханизма в Республике Алтай заметно активизировали свою пропаганду; пока они ратуют за «возрождение религиозно-культурных ценностей», но многие сепаратистские движения зарождались именно в таких формах. В качестве примера ирредентизма есть смысл указать на ситуацию в Джамму и Кашмире (Индия), где существует активное движение за отделение этой территории от Индии и присоединение к Пакистану. Ирредентистское движение существует также в Абхазии, Южной Осетии, где оно проявляется как стремление к отделению от Грузии и присоединению к России, в Приднестровье (отделение от Молдовы и присоединению к России). Гипотетически с проблемой ирредентизма могут столкнуться приграничные с Китаем российские территории Восточной Сибири и Дальнего Востока, активно принимающие мигрантов-китайцев, Алматинская и Талдыкорганская области Казахстана, где также существует подобная тенденция. С проблемой ирредентизма потенциально, в случае реализа-

ции неблагоприятной модели развития российско-казахстанских отношений, может столкнуться, например, российский Алтай, где в пограничных районах компактно проживают казахи; в этом же случае с подобного же рода угрозой столкнется сопредельный Казахстан, где в северных и восточных районах страны этносом-ирредентом/разделенным народом являются русские. Проблема ирредентизма для приграничных регионов также опасна тем, что от внутрис государственного уровня она может быстро перейти на уровень межгосударственного конфликта.

Угроза роста трансграничной этнической преступности. Этнические криминальные структуры в условиях относительной «прозрачности» российских границ и процветающей коррупции легко устанавливаются и эффективно используют связи с криминалом сопредельного государства; в настоящее время на «криминальную арену» вышли международные, трансграничные преступные синдикаты. Так, подобного рода связи китайских мигрантов в российских регионах Восточной Сибири и Дальнего Востока позволили наладить канал контрабанды из Китая в Россию алкогольной продукции, нелегальный вывоз из России в Китай стратегических товаров, а также нелегальную миграцию в Россию китайской рабочей силы. Для российского Приморья ежегодная квота на присутствие на территории региона иностранной рабочей силы составляет 15 тыс. человек, тогда как только в Приморском крае официально зарегистрировано свыше 16 тыс. китайцев, а по данным экспертов Московского Центра Карнеги, их в Приморье как минимум в 2,5 раза больше. Существует проблема трансграничной этнической преступности, связанной с криминалитетом из числа казахов-ирредентов, и в Алтайском крае. В последние годы, в связи с «интенсификацией» трансграничных преступных связей, прежде всего на уровне именно этнической преступности, в приграничных районах края растет число преступлений, связанных с хранением, провозом и распространением наркотиков; увеличивается количество краж и угонов скота, транспортных средств, сельскохозяйственной техники на территорию сопредельного государства; нарастают объемы контрабанды из Казахстана в Россию спиртосодержащей продукции, а в обратном направлении – леса и пиломатериалов.

Угроза оказания со стороны сопредельного государства экономического и/или политического давления на Россию с использованием этнического потенциала. Наличие в приграничных регионах этносов-ирредентов делает реализацию данной угрозы в неблагоприятных для России условиях весьма значимой. Потенциально для России, с учетом массовой миграции в приграничные восточносибирские и дальневосточные регионы китайцев, такого рода угроза может исходить прежде всего от Китая. Китай имеет опыт использования потенциала китайской диаспоры (хуацяо),

в первую очередь экономического, не только для привлечения в страну инвестиций, но и для обеспечения национального присутствия в государствах проживания хуацяо – в Таиланде, Индонезии, Мьянме, Малайзии. Правомерность применения силы и вооруженный конфликт Китая с Вьетнамом в 1979 г. обосновывались китайским руководством не только тем, что Китай «наказывает» Вьетнам за вмешательство во внутренние дела Камбоджи, но и тем, что вьетнамские власти предприняли ряд мер, идущих вразрез с интересами хуацяо, проживающих в северных приграничных районах Вьетнама: таким образом, китайская сторона в данном случае «разыгрывала карту» этноса-ирредента.

Уже сегодня Китай имеет достаточно широкие возможности использовать потенциал хуацяо в России. Например, в пограничном с Китаем районе вблизи озера Ханка при численности населения около 35 тыс. человек китайцы составляют 25 тыс.

Не следует рассматривать казахов и китайцев исключительно в качестве источников угроз и вызовов безопасности. Российские казахи пока не создают серьезных угроз безопасности, за исключением наличия этнополитического напряжения в отношениях между алтайцами и казахами на юге Республики Алтай. В условиях целенаправленной, глубоко осмысленной и проработанной, взвешенной общегосударственной и региональной этнической политики и китайцы, и казахи могут способствовать укреплению трансграничного сотрудничества между Российской Федерацией и своей «исторической родиной», экономическому, социальному и культурному развитию приграничных российских регионов. Однако не следует игнорировать имеющийся негативный исторический опыт и гипотетическую вероятность реализации неприемлемого для России сценария этнополитической ситуации в приграничных регионах. Не драматизируя ситуацию, необходимо проводить постоянный мониторинг и анализ этнополитической ситуации в приграничных регионах России, прежде всего тех, в которых в значительном количестве проживают этносы-ирреденты и наличествует этноконфликтный потенциал.

Обсуждение доклада

Калиева К.С.: Вы говорили о том, что проводили исследования в Восточном Казахстане, что это за исследования?

Боронин О.В.: Да, мы проводили опрос в 6-ти из 12-ти приграничных районах Алтайского края, граничащих как с Восточно-Казахстанской, так и с Павлодарской областями. В опросе приняло участие 240 чел. Опрос проводился по системе семантического дифференциала, применялся ещё ряд методик. Предлагалось 8 форм анкеты, к сожалению, я не взял их, если интересно, я их обязательно Вам покажу у нас на кафедре. Выборка репрезентативная.

Калиева К.С.: Был ли в этих анкетах вопрос о понятии «историческая родина»?

Боронин О.В.: Алтайцы и казахи считают, что они живут на исторической родине, и я считаю, что они говорят правомерные вещи.

Калиева К.С.: У нас тоже русские, живущие в Казахстане, своей родиной считают Казахстан. Тогда попутно к этому: в чём разница между понятиями этнос-ирригент и историческая родина?

Боронин О.В.: Историческая родина – понятие растяжимое. Если мы будем искать историческую родину русских, то нам нужно уходить за Урал. Речь идёт, конечно, о современных государственных границах.

Калиева К.С.: У меня вопрос больше в терминологическом плане.

Боронин О.В.: Я просто не сказал, что у меня в тексте «историческая родина» берётся в кавычки. Когда мы говорим об «исторической родине» казахов, речь идёт о республике Казахстан и её современных границах. Когда речь идёт об «исторической родине» русских, я имею в виду для себя, условно, конечно, применительно к данному докладу, современные границы Российской Федерации.

И.А. Еремин

Взаимодействие сопредельных регионов России и Казахстана как фактор национальной безопасности обеих стран

После распада Советского Союза Россия имеет с Казахстаном самую протяжённую границу, за которой на сопредельной территории проживают миллионы этнических русских. Уже этот фактор объясняет важность добрососедских отношений между двумя странами.

Не менее важным фактором тесного взаимодействия обоих государств является политическая линия их лидеров, президентов В. Путина и Н. Назарбаева, на достижение реальной интеграции в рамках СНГ. Однако пока, к сожалению, СНГ оправдывает определение тех политологов, которые характеризовали эту организацию как «инструмент политического развода бывших республик СССР». В настоящее время нет никаких реальных перспектив на то, чтобы СНГ хоть в малой степени напоминало по своей интеграционной эффективности Европейский Союз.

Следовательно, наиболее перспективными и продуктивными в межгосударственных отношениях в рамках СНГ на ближайшую перспективу являются двусторонние отношения. И в этом отношении Казахстан является для России самым важным стратегическим партнером в центральноазиатском регионе.

Казахстан принимает активное участие в организации Договора о коллективной безопасности (ОДКБ), куда входят также Россия, Бело-

руссия, Киргизия, Таджикистан и Армения. Один из четырех батальонов, составляющих основу коллективных сил ОДКБ, представляет Казахстан. В условиях активизации международных террористических организаций в Центральной Азии и борьбы мирового сообщества против этой глобальной опасности, российско-казахстанское сотрудничество в области безопасности приобретает особое звучание. Россия объективно заинтересована в стабильном и демократическом Казахстане и готова всячески укреплять его обороноспособность. Об этом, в частности, свидетельствуют недавние поставки Казахстану современных российских боевых самолетов. Казахстан для России является также последним рубежом перед потоком наркотиков и нелегальных мигрантов. И в этой области налицо тесное взаимодействие спецслужб обеих стран, которое имеет долгосрочную перспективу.

Один из главных экономических приоритетов российско-казахстанских отношений – сотрудничество в сфере топливно-энергетического комплекса. В ходе визита президента России в Казахстан в январе 2004 г. в Астане было подписано соглашение между российской компанией «ЛУКОЙЛ» и казахстанской «КазМунайгаз» о совместной разработке участков Тюб-Караган и Аташинская в казахстанской зоне Каспийского моря. Реализация проекта предполагает свыше 3 млрд. долларов инвестиций.

Второе важное направление двустороннего сотрудничества – космос и космические технологии. В январе 2004 г. было подписано соглашение о продлении срока аренды космодрома Байконур Россией еще на 50 лет. Кроме того, Россия и Казахстан договорились о совместном строительстве на Байконуре ракетно-космического пускового комплекса нового типа на основе российской ракеты «Ангара». Казахстан готов вложить в этот проект 200 млн. долларов.

Новый импульс интенсификации российско-казахстанских отношений может придать межрегиональное сотрудничество. Оно дает сегодня более 60% российско-казахстанского товарооборота. Только внешнеэкономический оборот между Кемеровской областью и близлежащими регионами Казахстана составляет по итогам 2003 г. 150 млн. долларов в годовом исчислении. Увеличению объемов торговли будет способствовать подписанное в декабре 2003 г. соглашение о социально-экономическом, научно-техническом и культурном сотрудничестве между администрацией Кемеровской и Карагандинской областей. Договор подписали главы областных администраций А. Тулеев и К. Мухамеджанов. Стоит отметить в этой связи, что обе области имеют горнодобывающую промышленную специализацию. Согласно документу, стороны будут развивать долговременные и всесторонние связи на принципах равенства, взаимной выгоды, взаимопонимания,

уважения и доверия. Они намерены содействовать реализации совместных инвестиционных проектов, обеспечивающих высокую эффективность капиталовложений на основе паритетного использования конечной продукции.

Стороны договорились об обмене научно-технической, экономической, правовой и иной информацией, для чего намерены предпринимать усилия по созданию надежной коммуникационной связи между регионами, а также сотрудничать в области сохранения и реставрации культурного и художественного достояния двух областей. Обсуждалась возможность участия карагандинских специалистов в развитии цинкового завода в кузбасском городе Белово. Казахстанские партнеры проявили большой интерес к возможности применения кузбасских технологий при возделывании заброшенных сельхозугодий Карагандинской области для нужд Кемеровской области.

Алтайский край налаживает такие же тесные разносторонние отношения с Восточно-Казахстанской областью. Учитывая в значительной степени аграрный характер обоих регионов, упор в экономических связях здесь делается на переработку сельскохозяйственной продукции. Укреплению отношений между сопредельными регионами обоих государств способствуют межправительственные договоренности, согласно которым 2003 г. был годом Казахстана в России, а 2004 г. будет годом России в Казахстане. В рамках этих мероприятий во всех приграничных российских регионах прошли дни их казахстанских партнеров. Так, в декабре 2003 г. в Алтайском крае прошли дни Восточно-Казахстанской области. На Алтай приезжала большая делегация Восточно-Казахстанской области во главе с местным акимом. В состав делегации входили представители культуры, науки и деловых кругов. В ходе переговоров с руководством и представителями бизнеса Алтайского края детально обсуждались конкретные проекты экономического сотрудничества.

Еще одним важным направлением межрегионального сотрудничества является сфера образования и культуры. Здесь для российских регионов, прежде всего, представляет интерес поддержка проектов по развитию системы преподавания русского языка в казахстанских школах и вузах. Необходимы и полезны контакты в гуманитарной сфере. Главные усилия здесь стоит сосредоточить на пропаганде через общественные и государственные структуры идей толерантности, соблюдения прав национальных меньшинств, недопущения этнократического подхода при подборе кадров и т.д.

Конкретная работа по всем перечисленным направлениям российско-казахстанского сотрудничества в конечном итоге может стать отправной точкой начала реальной интеграции в рамках СНГ.

Обсуждение доклада

Чернышов Ю.Г.: Спасибо, Игорь Александрович, за выступление. У нас и на предыдущей секции первый доклад получился больше пессимистичным, а потом уже выступали оптимисты. Я думаю, сейчас есть почва для дискуссии¹¹. Пожалуйста, ваши вопросы и выступления.

Коробкова Н.П.: Я хотела бы поблагодарить Игоря Александровича за содержательный доклад. Но мне кажется, что в Ваших выводах, и между выводами и содержанием есть определённое противоречие. Если наше государство действует в интересах олигархов, то какой смысл им покидать пределы этого государства? Ведь, прибывая в другое государство, они вольно-невольно должны действовать по правилам этого государства – это первое. И второе, что я хотела бы заметить: мне кажется, что попытки нашего государства обязать граждан к обязательному страхованию жилья, страхованию транспорта – это ещё одна попытка перевести наше общество на цивилизованный путь развития, потому что во всём цивилизованном мире это принято. Просто мы сами испытываем глубокое недоверие к любым подобным попыткам государства, и усматриваем как действие или покушение государства на наш и без того скудный и скромный доход! Спасибо.

Ерёмин И.А.: Спасибо за вопросы – они совершенно справедливые. В моих рассуждениях противоречий нет. По олигархам. Естественно, казалось бы, противоречие возникает, если я говорю, что государство защищает интересы олигархов, а я на этом настаиваю, то почему тогда они не чувствуют себя уютно, готовятся бежать или уже бегут? Это объясняется очень просто. Даже если брать те законы, которые были приняты на заре приватизации, которые позволили им (олигархам) фактически за бесценок присваивать национальное богатство, то очень многие из тех положений, которые они (олигархи) придумали сами для себя, даже это они нарушали. То есть, в этом плане они все ходят под угрозой прокуратуры. Но я не думаю, что это серьёзная борьба, и тем более, целенаправленная политика. Это, скорее всего, какие-то вспышки кампаний, как, например, это проявилось в отношении Ходорковского. Когда он уже открыто стал финансировать политические партии накануне думских выборов, власть испугалась. Учитывая колоссальные капиталы, которые он имеет, то, если он ещё будет иметь и полностью контролируруемую Государственную Думу, а потом и правительство, то зачем тогда нужны Путин и вся его команда? Поэтому для острастки приняли меры по задержанию господина Ходор-

¹¹ Докладчик в своем выступлении затронул гораздо более широкий круг вопросов, чем в представленном тексте доклада; это нашло отражение в обсуждении. – *Примечание ответственного редактора.*

ковского. Но, учитывая, что у всех у них «рыльце в пушку», грубо говоря, они все интуитивно почувствовали: «а кто следующий?», «за кем придут, постучат в дверь?» Поэтому на всякий случай надо рвать когти, пока не поздно. А для того, чтобы успешно туда перебраться, надо подготовить базу, что они и делают. В этом самое главное. То есть, психология временщика – это самое страшное для страны, так как лишает её перспективы и будущего. А у олигархического класса, я глубоко убеждён, психология временщика – это самое главное.

Хотя, с другой стороны, почему я сказал, что в моём тезисе нет противоречий? Ходорковский сидит, «а денёжки идут». За первый год ареста он удвоил состояние. А в чьи руки переходят те куски собственности, которые «захапал» Ходорковский во время чубайсовской приватизации? Государству? Нет! Тут подсустились Кукес – гражданин США, тот же Абрамович. Поэтому по существу речь идёт о внутриклановой разборке, выражаясь современным языком. И они это всё понимают.

Что касается страхования, то, конечно, я с Вами согласен, что страхование – это один из символов цивилизованного общества. Только маленькое, но очень важное прилагательное должно присутствовать рядом с этим существительным – это добровольное страхование. Как Вы понимаете, у нас об этом добровольном всегда забывают, как сейчас совершенно чётко идёт речь о том, чтобы забыть прилагательное «бесплатный» в отношении образования.

Курныкин О.Ю.: Хотелось бы поблагодарить Игоря Александровича за интересное выступление и высказаться по некоторым вопросам, затронутым докладчиком.

Прежде всего, хотелось бы обратить внимание на то, как менялся содержательный аспект дискуссий о характере российско-казахстанских отношений на протяжении последних десяти с небольшим лет. Если прежде в центре обсуждения находились вопросы о правомерности включения в состав независимого Казахстана северных областей («Южной Сибири») с преобладанием русского компонента в составе населения, о положении русских в Казахстане и массовой их миграции в Россию, то затем акцент был перенесен на демаркацию, делимитацию и обустройство российско-казахстанской границы, выстраивание взаимовыгодных отношений как на уровне Центра, так и сопредельных регионов, обсуждение проблем, связанных с нелегальным пересечением границы, контрабандой и наркотрафиком. Из этого можно сделать вывод, что «развод» между бывшими советскими республиками, ныне самостоятельными государствами, в том числе между Россией и Казахстаном, исторически состоялся.

Об этом свидетельствуют и некоторые подвижки если не в официальных установках казахстанских властей, то, во всяком случае, в массовом сознании казахов относительно исторической роли России в судьбах казахского этноса. Разоблачительный пафос в отношении «российского колониализма», обвинявшегося в прерывании процесса складывания казахской государственности, в насильственном изменении базовых принципов казахского номадического социума, русификаторстве и т.д., сейчас спадает. Следует признать, как это ни горько для россиян, что становление государственности в отпавших от российского ядра национальных окраинах не могло не сопровождаться отталкиванием от российского наследия. России было суждено испытать те проявления «колониальной неблагодарности», которые хорошо знакомы другим бывшим метрополиям. Вместе с тем антироссийский комплекс в умонастроениях национальной элиты, широких общественных кругов, являющийся проявлением своеобразной «детской болезни» при становлении национальной государственности на постсоветском пространстве, будет неизбежно преодолеваться при условии, если Россия не будет давать поводов к его регенерации. Таким образом, адекватную оценку нынешнему состоянию российско-казахстанских отношений можно дать лишь с учетом как исторической ретроспективы, так и исторической перспективы, отслеживая динамику довольно быстро «взрослеющих» двусторонних отношений. Причем в исторической перспективе России и Казахстану, очевидно, суждено стать стратегическими партнерами.

Кстати, исходя из вышесказанного, трудно понять нервную реакцию российского лидера по поводу тематики одного из докладов на проводившейся в Астане конференции, в котором Россия была причислена к «внешним силам» по отношению к Центральной Азии. Но Россия никогда не позиционировала себя как центральноазиатское государство, хотя на протяжении одного-двух столетий вбирала в себя этот регион и сейчас геополитически примыкает к нему с севера. Однако закономерно и объяснимо, что, несмотря на тесные исторические и межличностные связи, на значительные российские интересы в этом регионе с точки зрения экономического сотрудничества и национальной безопасности, странами Центральной Азии Россия воспринимается как внешняя сила наряду с Китаем, США и др. К этому надо привыкать.

Еще один момент. Представляются несколько наивными упования на «Центр», который должен направить экономическое сотрудничество между сопредельными регионами Казахстана и России в «нужное русло». Думается, в министерских кабинетах в Москве нет особого дела до того, в каком состоянии находится и в каком направлении развивается приграничное сотрудничество, скажем, между Омской областью или Алтайским краем и соседними казахстанскими областями.

Можно упрекать региональную элиту и местные деловые круги в недостаточной компетентности, однако это дело наживное. Центр должен, прежде всего, задавать определенные рамки и правила для такого сотрудничества (через таможенную, инвестиционную политику, законодательство и т.д.), но инициатива в налаживании экономических (равно как культурных, образовательных и иных) связей должна исходить от местных предпринимателей, общественности, регионального руководства.

Не совсем убедительным представляется выстраивание в один ряд экономических моделей, реализуемых в Китае, Казахстане и Белоруссии. Каждая из них весьма специфична, причем казахстанская модель – наиболее открыта, что, видимо, и обусловило заметный экономический рост в этой стране в последние годы. Роль государства в экономической жизни каждой из этих стран значительна, но различна. Поэтому более плодотворным, на наш взгляд, было бы изучение особенностей каждой из этих моделей. Кстати говоря, вряд ли стоит полностью доверять данным официальной белорусской статистики с учетом особенностей политического режима в этой стране.

В выступлении Игоря Александровича затронута еще одна тема – о роли олигархов в экономике России и их отношениях с государством. Думается, в обсуждении этого вопроса в политических кругах и СМИ много эмоционального и политизированного. Можно согласиться с тем, что стремительность формирования крупного российского бизнеса не способствовала выработке у его представителей установок, предполагающих определенную социальную ответственность и являющихся продуктом исторической эволюции. Вместе с тем не исключено, что упоминавшийся здесь Р. Абрамович выводит свои капиталы за границу не без подсказки со стороны определенных государственных структур, заинтересованных в установлении контроля над некоторыми сферами бизнеса. Вопрос здесь стоит гораздо шире и серьезнее, чем о личной судьбе тех или иных олигархов. Проблема заключается в особенностях взаимоотношений государства и предпринимательских кругов. Утверждение о том, что государство обслуживает интересы олигархов, возможно, имело некоторые основания в «ельцинский» период новейшей российской истории, однако исторический опыт, а также последние события свидетельствуют о том, что государство (иначе говоря, бюрократия) в России всегда было самодостаточным и обслуживающим прежде всего собственные потребности. Примеры тому – усилия, направленные, по сути, на национализацию «ЮКОСа» или настойчивые попытки предпринимательских кругов добиться встречи его представителей с президентом, по форме унизительные для бизнес-элиты. На одной из недавних конференций С.В. Алекса-

шенко, авторитетный эксперт и предприниматель, отметил в качестве тревожной тенденции усиление вмешательства государства в экономику страны при одновременном отсутствии четко сформулированной промышленной политики, а также напряженные отношения между властью и бизнесом.

И в заключение вопрос к докладчику: в связи с высокими оценками деловых качеств А. Тулеева как Игорь Александрович относится к активно обсуждаемой идее о присоединении Алтайского края к Кемеровской области?

Ерёмин И.А.: Спасибо за Ваше выступление, потому что это не реплика, это очень сильное выступление получилось. Естественно, мне приятно, что моё выступление вызвало такой интерес. В своём выступлении я даже намёка не сделал, чтобы сравнивать экономические модели Белоруссии и Казахстана. Если бы я так сделал, то можно мне ставить «двойку» в зачётку, как студенту. Естественно, экономическая модель, взятая в Казахстане, отличается от того, что имеет место в Белоруссии, как небо от земли. Вы совершенно правильно это говорите. Я имел в виду, что государство в Белоруссии, Казахстане, Украине – всех республиках, выступает единым фронтом, единой линией, проводя национально ориентированную государственную политику даже тогда, когда речь идёт о вопросах приграничного экономического сотрудничества между Восточно-Казахстанской областью и Алтайским краем. У нас же этой линии, на мой взгляд, нет. Я не вижу этой линии в самом деле! Во имя чего это делается?

Что касается утверждения Алексащенко о том, что растёт вмешательство государства в экономику в последнее время, Вы об этом упоминали. С мнением Алексащенко я категорически не согласен. Наоборот, на мой взгляд, и не только на мой (очень многие люди так считают, видные эксперты, в том числе, например, Делягин – наш академик), государство уходит из экономики, уходит даже из тех сфер экономической жизни, где оно совсем недавно ещё присутствовало. Ну, в частности, сейчас на полном серьёзе обсуждается идея приватизации образования. То есть, получается так, что одна из немногих социальных сфер, где государство ещё хоть как-то присутствовало, отдаётся в частные руки: «Ребята, выживайте как можете, а мы будем смотреть, кому это удастся!» Поэтому какое же это усиление государства? Я ещё раз говорю, что государство усиливает свою роль, когда нужно ещё раз залезть в кошельки абсолютного большинства граждан, как сейчас. Допустим, возьмём лишение льгот чернобыльцев. Какое кошунство! Люди отдали здоровье, спасая страну от страшной экологической катастрофы. Теперь, по подсчётам экспертов, они будут получать 12%

того, что получали прежде. Это называется заботой о человеке! Вот тут государство из штанов выпрыгивает, чтобы проявлять свою силу.

И последнее, я рассматриваю вопрос шире – это укрупнение регионов. Я – горячий сторонник этой идеи. Я сторонник того, чтобы у нас не было национальных республик, чтобы деление было по территориальному принципу. Как это назвать? Губерния, область, край – это детали. Я считаю, что прекрасная модель этого – то, о чём говорили вчера, – федеральные округа. Допустим, Сибирский округ очень большой, его можно разбить на две части: Западносибирский край и Восточносибирский край. Вот и вся проблема! Какой город будет главным – это детали. Либо Новосибирск, либо Томск, но пусть будет Новосибирск. Я думаю, что мы тут сильно не будем опечалены.

Курныкин О.Ю.: Я прошу прощения, но тогда Барнаул превратится в уездный город!

Ерёмин И.А.: Ну и что? Я считаю, что для Барнаула потеря статуса в перспективе будет компенсирована более быстрым развитием экономики за счёт того, что у нас элементарно будет меньше бюрократии, меньше управленцев, меньше дублирования. Если брать этот проект территориального устройства, то тогда бюрократии должно быть меньше.

Степанова О.В.: У меня небольшая реплика и вопрос. По одной из теорий интеграции, она является успешной, если имеется сильное ядро интеграции, к которому бы притягивались сопредельные регионы. Но сегодня Россия и Казахстан не являются такими центрами интеграции, может быть, по причине того, что многочисленные интеграционные объединения, о которых Вы сегодня говорили, пока являются безуспешными по сравнению с той же европейской интеграцией. Вы упомянули о цифрах присутствия олигархического капитала. Вообще, международные экономические отношения – внутреннее дело того или иного государства. Если имеется вакуум, то он будет заполняться ТНК того или иного сильного государства. Известно ли Вам о том, с какими темпами происходит внедрение китайского капитала в казахстанские экономические области, и каков Ваш прогноз о том, как бы изменилась ситуация для России, если бы этот вакуум заполнился не американскими ТНК, а Китаем – тоже сильной региональной державой?

Ерёмин И.А.: Спасибо за интересный вопрос. Что касается точных цифр китайского экономического присутствия в Казахстане, к сожалению, я такой информацией не обладаю. Но, учитывая то, что я назвал цифру в 80% контроля над экономикой со стороны США, то я думаю, что если не все оставшиеся 20%, но их львиную долю, конечно, контролируют китайцы – соседи ближайшие, страна, которая развивается очень большими темпами. И если бы не более быстрое проникновение американцев в казахстанскую экономику, конечно, здесь никаких со-

мнений быть не может, что это место заняли бы предприниматели и промышленники из Китая. Вопросов здесь нет. В долгосрочной перспективе, я убеждён, место американских инвесторов рано или поздно займут китайские инвесторы, потому что Китай сегодня – наиболее динамично развивающаяся экономика. У него бурно растут возможности для экономической экспансии. Я вам рассказал о курьёзе с президентом Бушем, который собирался рекламировать американские товары, а оказалось, что это китайские телевизоры, поступившие на американский рынок. Это очень символический факт, потому что у американской экономики, как сейчас считает ряд экспертов, очень серьёзные структурные проблемы, которые могут привести к серьёзному экономическому даже не спаду, а кризису.

Китай подобных дисбалансов, присущих американской экономике, не имеет. И здесь большое значение имеет регулирующая роль государства в китайской экономике. Поэтому Китай будет всё больше укреплять позиции в Центральной Азии в целом, и в Казахстане в частности. Каковы последствия этого для России? По-настоящему сильный Китай, имеющий мощное влияние на сопредельные территории для России скорее минус, чем плюс. Потому что, учитывая нашу всеобщую слабость – и экономическую, и политическую, и военную, такой сильный сосед, почти полностью приблизившийся к нашим территориям и в том числе создавший мощные диаспоры на приграничных территориях, в конце концов станет диктовать свои условия, проще говоря, шантажировать страну, наращивая собственную территорию за счёт России. Поскольку вопрос о территориальных претензиях к России на площадь более 1 млн. кв. км. в Китае не снят. Такая тревожная перспектива для России вполне может быть. А альтернативой для России было бы всемерное наращивание экономического присутствия в Казахстане, чтобы не было там одностороннего крена в какую-либо сторону. В этом главная задача.

Чернышов Ю.Г.: Я добавлю по Китаю и скажу, что в Казахстане каждый год стремительно увеличиваются китайские инвестиции. То есть, если говорить об активности зарубежных партнеров, то уже сегодня фактически не США доминируют в Казахстане, а Китай.

Заусаева Н.А.: Вопрос к Игорю Александровичу. В своем выступлении Вы всё время сравниваете позицию Белоруссии, Казахстана и России. Говорите, что в Белоруссии и Казахстане государство решает вопросы, в России государство не берёт на себя такие обязанности. Но ведь государство может усилить свою власть в регионах и решать приграничные проблемы двумя способами: как демократическое государство правовым путём или как авторитарное государство – силовым.

Авторитарная тенденция у нас пока не набрала обороты, но если она возобладает, то тогда мы получим то, о чём Вы сожалеете в своём докладе. Сторонником какой тенденции являетесь Вы?

Ерёмин И.А.: Я, конечно, противник «завинчивания гаек». Это всегда опасно, потому что гайка может лопнуть и всё полетит. Я имел в виду другое. У нас отсутствует чёткая государственная идеология в этом вопросе. Где она? Речь даже идёт не об идеологии, а о государственной концепции. В чём смысл государственной линии, стратегии в этом вопросе? Что касается психологии временщика, то, что Вы сказали, конечно, играет свою роль, например, царистские настроения. Психология временщика, которая таила в себе холодок взаимоотношений между властью и капиталом, не имея в виду даже промышленную буржуазию, а в целом предпринимательство, тоже имеет многовековую историю. Конечно, я этот фактор не сбрасываю. Но в данном случае речь идёт скорее о конъюнктурном явлении, то есть, что люди изначально не собирались вкладывать в развитие экономики (обрабатывающую промышленность, наукоёмкие отрасли) капиталы, легко доставшиеся. Цель была одна – выкачать как можно больше природных ресурсов. В прошлом году я ехал в купе с нефтяником из Сургута, он работает на Ходорковского. И он дал мне информацию о том, что Ходорковский, ещё до своего ареста, дал команду, пренебрегая всеми техническими нормами добычи нефти, форсировать добычу, невзирая на угрозу экологической катастрофы. Этот нефтяник-временщик говорит о том, что все это понимают, но молчат, потому что по 30 тыс. получают. И если брать такую цифру, как показатели прироста разведанных запасов нефти, то получается, что, например, 1 т. нефти выкачали, а что взамен? Взамен по статистике 0,4 т. вводится в оборот. То есть, не возобновляются даже те нефтяные поля, которые были найдены и обустроены в период советской власти. Поэтому здесь совершенно чёткая линия: урвать кусок послаще и удрать поскорее.

Емешин К.Н.: Уважаемые коллеги! Я прошу прощения, если в начале сделаю реплики в стиле политической публицистики. Но такой тон был задан самим докладчиком. Я хотел бы возразить. Если говорить об олигархах и государстве, в реальной жизни проблема не в том, что государство олигархическое, а в том, что оно является инструментом в борьбе одного олигарха с другим. И если мы заменяем олигархов с помощью спецслужб, то от этого ничего не меняется. Мы, здесь сидящие, в большинстве за гражданское общество, а оно у нас не развивается. То же касается и других аспектов. Ну, молодец Абрамович, что он приудвоил доход, но это потому, что он вкладывал деньги не в наш моторный завод, а в «Челси». Действительно, капитал действует так, как ему выгодно.

Теперь то, что касается тематики взаимоотношений стран. Я думаю, что первая проблема применительно к Алтайскому краю, с которой приходится сталкиваться при взаимодействии с Казахстаном, – это всё-таки разные экономические модели. Когда мы говорим о взаимодействии России и Белоруссии, мы говорим о том, что экономические реформы отстают в Белоруссии, и поэтому очень трудно экономически сопоставимые системы затрудняют развитие. Та же самая ситуация во взаимоотношениях с Казахстаном. Когда у нас на государстве висит громадная нагрузка – единый социальный налог, когда мы в себестоимость вынуждены загонять все остальные аспекты неэффективного жилищно-коммунального хозяйства и т.д., то просто наши товары неконкурентоспособны. Поэтому вопрос экономической реформы внутри России является своеобразной базой для взаимодействия и развития сотрудничества с Казахстаном.

Второй экономический аспект: сегодня мы взаимодействуем с Казахстаном как конкуренты на зерновом рынке. Поскольку зернопереработка является одним из быстрорастущих секторов экономики Алтайского края, сегодня мы имеем такую тенденцию, что наши зернопереработчики вынуждены устанавливать связи с Казахстаном, для того, чтобы обеспечить собственные мощности. Но здесь они уткнулись в другую серьёзную экономическую проблему – это снижение потребления хлеба, зерна и прочих продуктов, поскольку, естественно, меняется структура питания населения – более цивилизованными мы становимся. Следовательно, вопрос о конкурентоспособности России во взаимодействии с Казахстаном является ключевым. Почему мы не смогли занять рынок в машиностроении? Потому что наши заводы были явно неконкурентоспособными по сравнению с теми заводами, которые открыли американцы там (в Казахстане).

Поэтому моё резюме: наиболее узким местом сегодня является продвижение наших экономических реформ. Меня беспокоит то, что вся льготная система, о которой мы 10 лет говорили, висит ярмом на всей экономике. И когда сегодня что-то предлагается, мы не вникаем в детали, не отстаиваем никаких интересов и балансов, просто отвергаем реформу. Наши внутренние причины сдерживают нашу конкурентоспособность на рынке, в том числе и на рынке с Казахстаном.

Ерёмин И.А.: Хочу поблагодарить Константина Николаевича за интересное аргументированное выступление. Я, кстати, согласен с тем, что государство является элементом борьбы одного олигарха с другим. Я с этим согласен двумя руками. И именно о том я и говорю, что государство является олигархическим. Какая разница нам с вами, если государство поддерживает не Ходорковского, а Абрамовича? Ведь природная рента не идёт в государственную казну, в карман бюджетникам и т.д.

Я имею в виду то, что само явление природной ренты в виде налогообложения и налогопоступления у нас до сих пор отсутствует. Мы могли бы купаться в богатстве благодаря нашим природным ресурсам, но этого нет. А государство поддерживает то одного олигарха, то другого. А общество?

Небальзин В.П.: Неслучайно, видимо, Ваш доклад вызвал такие оживлённые прения. Я не во всём согласен с Вами. Я бы хотел заметить, что корни многих вопросов упираются в наш национальный вопрос, о чём мы говорили вчера, в вопрос о том, с чем мы идентифицируемся. Я солидарен с Константином Николаевичем, который бьётся за создание гражданского общества на Алтае. И, наверное, лет 50 ещё у нас будет продолжаться эта борьба. В это же всё упирается! У нас нет отношений, как в нормальном государстве. И получается, что каждый идёт своей дорогой: президент – своей, правительство – своей, а мы – своей. А мы ещё и молчим к тому же, просто на кухне говорим потихоньку. Поэтому я хотел бы привести пример. Как племя пигмеев заставить войти в гражданское общество и ввести вот эти все законы (автогражданку, страхование жилища), и сказать: «Это хорошо для вас»? Но они же не поймут, им же нужно будет какое-то время – лет 100–150, чтобы по этим правилам играть. Ведь ни для кого же не секрет, что мы отстаём от Запада. Да и тенденция у нас не очень быстро догнать, потому что мы такие.

Один пример. Я с женой выхожу из дома, выношу коробку, чтобы выбросить её на мусорку. В квартире порядок – всё нормально. А мусорка забита. Я несу коробку в следующую мусорку, а до неё 1 км. Жена говорит: «Да брось ты её в канаву-то!» Я говорю: «Ну, как брось-то!» У нас в квартире порядок, а на улице будет беспорядок. Для неё это нормально, когда я в канаву всё выброшу. Там трава – ничего не видно. Так же и мы незаметно все поступаем. И получается, что мы выбираем кого-то и думаем, что он для нас что-то сделает. Мы опять придумываем царя, чтобы он для нас сделал. Мы-то сами ничего не делаем.

То же мы видели на выборах: СПС объединился с «Яблоком», и мы думали, что народ поймёт и 7% за нас проголосуют. Нет, оказывается блок в поддержку президента набирает 20%, причём там не понять, кто! А когда я проводил предвыборные беседы с теми же студентами АлтГУ (я несколько раз встречался и проводил предварительные экспресс-голосования) и говорил, что существует эфемерный блок в поддержку президента, давайте проголосуем. 15% студентов голосует за него, я спрашиваю: «Почему?», отвечают: «Прикольно». Мы все любим прикольно жить и поэтому видим причины зачастую не так глубоко, как в действительности. Мы сегодня немножко не готовы к тому, чтобы решать серьёзные проблемы. Мы сегодня, как Вы говори-

те, сделаем объединение этих регионов и с 89 субъектов доведём до 10–15. Я не думаю, что получится правильно, потому что опять же, как говорит Константин Николаевич, с которым я во многих вопросах согласен, мы не делаем это открыто. У нас нет гражданского общества. Если бы это было сделано открыто, посчитали бы и сказали, что в результате объединения мы сэкономим столько-то денег, мы эти деньги пустим на стариков, старух, чернобыльцев. Это было бы нормально. Но мы так не делаем, потому что мы не требуем, а президент так не делает. Поэтому молча деньги все идут в Чечню: построят там что-то, потом взорвут и опять туда деньги идут.

Ерёмин И.А.: На философскую притчу я отвечу философской притчей. Суммируя то, что Вы говорили, нужно учитывать, что речь идёт о цене движения к гражданскому обществу, цене реформ. Какова цена? Общество своим голосованием против СПС заявило, что оно не согласено с той очень дорогой ценой, которую вынуждено заплатить, проводя реформы, связанные в том числе с именами лидеров СПС. Это было реакцией общества совершенно чёткой и недвусмысленной. У нас ведь получается, что слово «реформы» вызывает страх, потому что все прекрасно понимают, что, например, повысятся рыночные цены. А реформа рыночной зарплаты так до сих пор и не проведена. В этом весь трагизм: человек должен платить рыночные цены, оставаясь фактически при советской зарплате. А что ему остаётся? Притча о цыгане и лошади. Цыган хвастался своей лошадью, которая работает, а корму не просит. Хороша была лошадь, да через месяц издохла. Вы закончили выступление призывом спокойно работать и жить. С этим можно согласиться, если бы была такая возможность. Но у нас каждый год население убывает на 1 млн. чел., как шагреновая кожа сокращается оно из-за невыносимых условий.

Чернышов Ю.Г.: Коллеги, если позволите, я кратко выскажу своё мнение по поводу этой дискуссии, которая, безусловно, вышла далеко за рамки темы Большого Алтая, и у нас получилась такая политинформация с некоторыми «заострёнными» и спорными положениями. Мы получили сразу несколько принципиально разных точек зрения.

Я бы со своей стороны сказал, что эмоции, конечно, плохой помощник, и влияние каких-то идеологических схем – тоже плохой помощник в научных оценках. На мой взгляд, не стоит занижать влияние России на мировой арене, особенно в постсоветском пространстве. Всё-таки, нельзя так пессимистично изображать это. Россия – самое сильное государство в постсоветском пространстве. И, если говорить, например, о научном, военном потенциале, по природным ресурсам, то она ничуть не уступает таким державам, как Китай. Это по поводу слишком пессимистичных оценок.

И второе суждение. Мы бросаемся всё время в крайности: либо анархия нам нужна, для того, чтобы все действовали как хотят и никто бы их не контролировал, либо нам нужна жёсткая государственная власть, централизованная, которая всё курирует. А на самом деле, на мой взгляд, должно быть гармоничное сочетание того и другого. Где-то есть крен в одну сторону, где-то – в другую, а оптимален как раз средний вариант, когда есть местная инициатива, есть компетентность местных властей, которые решают вопросы своего уровня, и есть стратегия, которую должно проводить государство уже на уровне Центра. То есть, если от эмоций избавиться, то истина будет посередине. Хорошо, что были высказаны разные точки зрения.

Калиева К.С.

***Экологические проблемы реки Иртыш
и пути их решения в регионах Большого Алтая
(на примере Восточного Казахстана)***

В природном отношении Восточно-Казахстанская область занимает юго-восточную периферию горной системы Алтая (Юго-Западный или Казахстанский Алтай).

Уникальность Восточного Казахстана состоит в том, что его территория (площадь составляет 283,3 тыс.кв.км) занимает чрезвычайно важное геополитическое положение как ключевой регион на карте Евразии. Здесь стыкуются границы четырех крупнейших государств: Республики Казахстан, России, Китая и Монголии. Здесь, вокруг узкого отрезка границы в 50 км, «образовался» так называемый трансграничный Алтайский узел геополитических, экономических и экологических интересов четырех стран.

На сегодняшний день одной из экологических проблем, требующих безотлагательного решения, является состояние рек.

Стержнем, объединяющим природные ландшафты, речные и озерные системы, является главная водная артерия региона – р. Иртыш.

Иртыш – типичная международная река: верхнее течение в Китае, среднее течение находится в Казахстане, нижнее – в России. От истоков до впадения в р. Обь длина Иртыша составляет 4248 км. Река берет начало в Китае на западном склоне монгольского Алтая под названием Черный Иртыш, течет до впадения в озеро Зайсан, вытекает из него под названием Иртыш (или Белый Иртыш). Длина реки в пределах Казахстана 1698 км.

Река исторически имеет важнейшую экономическую, социальную, экологическую, культурную и рекреационную ценность для всей территории, где она протекает.

Политика водоиспользования реки Иртыш, несогласованно проводимая странами, объединенными единой речной системой, негативно сказывается на состоянии единого водного фонда.

Загрязнение реки Иртыш начинается уже на территории Китая и далее продолжается по всему течению Иртыша. Из-за большой площади акватории Иртышского бассейна под техногенным воздействием оказывается большинство экосистем региона.

Наиболее существенной проблемой реки Иртыш является промышленное загрязнение отходами производства.

Исторически сложилось, что все объекты горно-обогатительного и металлургического производства и теплоэнергетики сконцентрированы на берегах рек, где формируется сток и самого Иртыша. На площадях водосбора только в ВКО уже накоплено 2 млрд. тонн промышленных и бытовых отходов, отрицательно воздействующих на качество воды рек бассейна Иртыша.

Высокую опасность представляет Семипалатинский очаг керосинового загрязнения подземных вод, близость которого к реке Иртыш составляет около 200 метров.

Серьезной угрозой для рек Иртыш и Обь в целом являются работы, проводимые в Китае по забору воды (в начале 1 куб. км, в последующем до 5 куб. км в год) из р. Кара Иртыш для целей орошения. При этом, по подсчетам специалистов, произойдет снижение уровня воды в реке от оптимального режима в створе города Павлодара на 0,63 м, в городе Омске – 1,2 м.

В 2001 г. по инициативе Культурно-экологического объединения «Беловодье» в Усть-Каменогорске создан Региональный Координационный экологический Совет (РКЭС), в который входят общественные организации, научно-технические учреждения, госструктуры. Цель Совета – определить приоритетные экологические проблемы региона, координировать действия между общественными, научными и государственными организациями, разрабатывать предложения по решению экологических проблем и содействовать внедрению новых чистых технологий. Проведено уже 7 заседаний Совета, на которых обсуждались проблемы реки Иртыш. РКЭС ведет разработку программы по спасению реки Иртыш и предлагает разработать единый совместный для Китая, Казахстана и России проект по оздоровлению экологического положения в Обь-Иртышском бассейне.

При рассмотрении экологических проблем первостепенной задачей является количественная и качественная оценка водных ресурсов, включая поверхностные и подземные воды. Важна она и для территории бассейна реки Иртыш, проблема которой существенно осложняется чрезвычайным разнообразием природно-климатических условий

территории, но особенно трансграничностью реки. От рационального использования водных ресурсов Иртыша зависит дальнейшее водообеспечение, здоровье населения, развитие промышленности, сельского хозяйства, а также – сохранение ландшафтов и биосферы.

Проблемы трансграничной реки Иртыш требуют разработки международных нормативно-правовых актов.

Литература

1. Алтайский вестник: Международный научно-популярный эколого-культурологический альманах. 2002. №2.
2. Материалы международной конференции по проблемам рек Обь-Иртышского бассейна. Усть-Каменогорск, 2003.
3. Экосфера: Восточно-Казахстанский информационно-аналитический ежегодник. 2003.

Обсуждение доклада

Ерёмин И.А.: В прошлом году я побывал в командировке в Тобольске, в этом – в Омске, и влюбился в Иртыш. Поэтому Ваш доклад не оставил равнодушным никого, кто хоть раз видел Иртыш. У меня такой вопрос: если Китай будет продолжать свою политику использования водных ресурсов Чёрного Иртыша в тех же объёмах, как это делается сейчас, каковы перспективы водных ресурсов Иртыша?

Калиева К.С.: Нужно заметить, что эта проблема, что Китай забирает воду из Чёрного Иртыша, – она недостаточно полно освещается в СМИ Казахстана и России. Из частной беседы с представителями КНР становится ясно, что данная проблема не является большим секретом. То есть, учитывается момент того, что водозабор в кубических метрах занижен, хотя фактический отбор воды очень высок. Это может, конечно, привести к большим проблемам. Но я думаю, что Казахстан и Россия, как члены региона Большого Алтая, смогут остановить данный процесс в рамках деятельности Международного Координационного Совета «Алтай – наш общий дом».

Греков Н.В.: К Иртышу у меня тоже особое отношение – я там как раз живу, поэтому волей-неволей я информирован о проблемах Иртыша. И здесь эта тема напрямую входит в тему нашей конференции. Мы немножко забыли о проблеме национальной безопасности, сконцентрировав внимание на торговле или ещё чём-то. Состояние Иртыша является непосредственной угрозой национальной безопасности России и Казахстана. Как житель Омска я периодически слышу информацию о том, что все службы приведены в состояние тревоги – плывёт со стороны Семипалатинска нечто! Ладно, если это просто нечто, а ведь иногда это и ртуть, и т.д. Соответственно, власти наших приграничных регионов активно пытаются достичь каких-то решений. В прошлом году проводилась конференция, которая и в этом году проводилась

уже в Омске в конце мая. Французы уже начали к нам ездить, им стало интересно, чем дело кончится. Действительно, проблема приобрела мировой характер. Мы здесь как-то небрежно поговорили, что государство ничем никому не обязано, дескать, пусть регионы сами всё решают. И, действительно, они решают уже какой год!

Вторая половина Вашего доклада звучит как «решение» этой проблемы. И ведь обратите внимание, решения никакого нет! Хотя искренне приграничные власти и казахстанские, и российские заинтересованы в этом решении, но его нет! И те, и другие заинтересованы, чтобы каким-то образом повлиять на Китай, и тоже ничего. Китайцы приезжают, кивают головой: «Да, плохо дело, плохо», и уезжают. Вот так это было в конце мая. Даже показали одного китайца – очень умный, по-русски говорил, долго говорил, правильно всё, как по учебнику переводному говорят. И ни с места! Все эти конференции завершаются призывами, какими-то решениями, всё это публикуется и... до следующего года! А ситуация-то всё более осложняется!

Скажите, существует ли какая-то перспектива прорыва из этой приграничной карусели на уровень межгосударственных отношений, причём не только российско-казахстанских? Для решения этих проблем необходимо достижение российско-казахстанского сотрудничества для воздействия на Китай. Или это всё так и обречено оставаться на уровне приграничных регионов, которые сами должны решать свои проблемы?

Калиева К.С.: Я согласна с Вами, что данная проблема решается как бы только локально: Россия сама решает, Казахстан – сам. Общие моменты здесь есть, но Китай получается не при чём, хотя всю воду забрал он. Я думаю, что в решении данной проблемы основную роль должны играть экологи, и уже через центральную власть надо выходить на межгосударственные соглашения, договоры в решении данной проблемы. Я думаю, всё-таки этот вопрос решится положительно в ближайшее время.

Кобринский А.Л.: Некоторое время назад мэр Москвы в очередной раз выступил с идеей поворота рек в разные стороны. Хотелось бы знать Вашу позицию, и как к этому относятся в Вашем регионе, потому что идея эта состоит в том, чтобы продавать воду в том числе и в Казахстан.

Калиева К.С.: Поскольку Иртыш впадает в Обь, хотя он и длиннее, поворот рек – большая проблема не только на государственном уровне. В целом, это проблема мирового сообщества. Так как если повернуть реки, это изменит весь ландшафт, а это, в свою очередь, повлияет на уровень жизни и здоровье людей, проживающих на данной

территории. К сожалению, я не могу Вам точно сказать, как относятся к этому в Казахстане, но выскажу своё мнение о том, что данная проблема не должна решаться локально.

В.Н. Козулин

Об исторической специфике восприятия Китая в России

По словам известного отечественного специалиста по истории русско-китайских отношений Н.А. Самойлова, в современной науке ощущается явная нехватка исследований по проблеме формирования образа Китая в России. Особенно актуальными на сегодняшний день, очевидно, являются попытки исследования этого вопроса в русле нового научного направления – так называемой имагологии (этнического «образоведения»). Исследователи, работающие в этом направлении, обычно привлекают исторический, прежде всего, литературный, материал и пытаются выявить преемственность в этнических стереотипах восприятия, которые, как правило, носят очень устойчивый характер. Такие стереотипы зачастую имеют многовековую историю и оказывают заметное влияние на современное восприятие тех же народов и, следовательно, на межнациональные отношения. Очень важно отметить, что этнический образ, как правило, не только и даже не столько отражает свойства воспринимаемого объекта, сколько свойства воспринимающего субъекта. При восприятии чужого происходит как бы преломление его сквозь призму своего, этнического (и общего) мышления.

Задача нашего доклада состоит в том, чтобы, используя некоторые источники столетней давности и нынешние, проследить эволюцию и преемственность в восприятии русским обществом Китая, выявить основные факторы и мотивы формирования тех или иных стереотипов в отношении нашего великого восточного соседа. Доклад мы построим следующим образом. Сперва рассмотрим кратко «предысторию» русско-китайских отношений, обращая внимания на те факты, которые оказали влияние на восприятие Китая, по крайней мере, в определенных кругах. Затем обратимся к истории формирования стереотипов Китая в элитных слоях и во властных кругах. И, наконец, попробуем выявить, тоже в сравнительном аспекте (сто лет назад и теперь), специфику восприятия Китая и китайцев у рядовых граждан нашей страны.

Одним из основных факторов формирования стереотипов восприятия чужих культур всегда является историко-культурный фактор, то есть история контактов, отношений между народами и их культурами. Внешние сношения России с Китаем начинаются только во второй половине XVII столетия. В начале XVIII в. был заложен, фигурально выражаясь, первый камень русско-китайских дружественных связей, положено начало русско-китайскому культурному диалогу. В 1715 г.

была основана (а по Кяхтинскому договору 1728 г. официально «утверждена») Российская Духовная Миссия в Пекине, действовавшая преемственно в течение XVIII, XIX и XX вв. и сыгравшая большую роль не только в проповеди православия в Китае, но и в развитии отечественной и в целом мировой синологии. Между прочим, появление этой знаменитой Миссии в свое время было вызвано прямо противоположным по характеру событием в истории русско-китайских отношений. В ходе русско-китайского столкновения в конце XVIII в. китайцами был взят городок Албазин на левом берегу Амура, принадлежавший тогда русским казакам; большинство русского населения после этого бежало в г. Нерчинск, но несколько десятков человек приняли китайское подданство и были отправлены в Пекин. Для этих людей и их потомков была позднее создана Православная Миссия. Так военный конфликт способствовал становлению в будущем мирного культурного диалога двух народов.

До последней трети XIX в. образ Китая в России мало отличался от общеевропейских стереотипов и был распространен, в основном, в образованных литературных кругах. В европейской литературе и общественной мысли тех времен складываются две противоположные тенденции в отношении к Китаю – негативная и позитивная. Имела место даже идеализация патриархальных китайских порядков и противопоставление их разлагающейся европейской цивилизации. В России такие две точки зрения на Китай нашли наиболее яркое выражение в концепциях философов В.С. Соловьева и Н.Я. Данилевского. Первый относился к Китаю чересчур негативно, как к своего рода антиподу, угрожающему европейской цивилизации, а второй, напротив, признавал Китай достойным и самоценным «культурно-историческим типом», альтернативным европейской цивилизации.

Здесь, когда речь зашла об одном из идеологов славянофильства, мы незаметно подошли к еще одной важной специфической черте в восприятии Китая в России. Можно констатировать, что с тех самых пор, когда начался спор «западников» и «славянофилов», Китай стал играть в общественном мнении России роль своего рода символа – олицетворения определенных идей, возникших собственно на русской почве. Причем, в очень близком символическом значении Китай, как показывают некоторые источники, использовался, например, в отечественной прессе сто лет назад и теперь. Для одних, консервативно-почвеннических сил, Китай – это идеал, пример для подражания его консерватизму, умению сохранять самобытность, противостоянию Западу. Для либеральных сил России Китай, наоборот, является примером, на который не следует равняться России; китайская самобытность и консерватизм оцениваются негативно в этих кругах. Фактиче-

ски образ Китая по сей день является одним из «символов», иными словами, определенным «инструментарием» в вечном споре «славянофилов» и «западников». Интересно, что и в советские времена Китай зачастую имел символическое значение в общественной мысли. В критике, например, перегибов «маоизма» легко увидеть невольный или сознательный намек на очень похожую советскую действительность.

Официальное отношение к Китаю, то есть отношение к нему российских властей, в начале XX в. было скорее благосклонным. Это было связано отчасти с наличием так называемой китаефильской тенденции в российском обществе того времени. Даже во время «боксерского восстания», когда в порыве всплеска национализма в Китае было убито множество русских, в том числе члены Православной Миссии в Пекине, в России оставались «китаефилы». Одним из наиболее известных в то время «китаефилов» был весьма близкий к Николаю II публицист кн. Э.Э. Ухтомский, который в значительной степени идеализировал Китай. В целом, отношение русских властей к Китаю в начале XX в., то есть сто лет тому назад, становилось все более прагматичным, происходило осознание того, что Китай – мощная сила, готовящаяся выйти из многовековой спячки, имеющая непосредственную границу с Россией.

Свидетельством того, что русское правительство тогда взяло именно такой прагматический «азиатский курс», учитывающий усиление Китая в будущем и необходимость строить с ним добрые отношения, является начало строительства уже в конце XIX в. знаменитой Транссибирской железнодорожной магистрали, а также одно важное внутренне мероприятие – отмена сибирской ссылки. Указом 12 июня 1900 г. Николай II отменил так называемую «ссылку на поселение в Сибирь». Эта мера, очевидно, была предпринята для улучшения репутации Сибири, так как на нее теперь делалась ставка как на важный стратегический пункт в пограничном сотрудничестве с Востоком. Думается, что современная «азиатская доктрина» России выражает (и совершенно справедливо) определенную преемственность по отношению к этому взятому еще в начале XX в. курсу, к сожалению, временами прерывавшемуся разными негативными фактами.

Несмотря на популярность «прокитайских» идей в России в начале XX в., русская либеральная пресса оставалась непоколебимой в критике Китая за его порядки. Критики этих порядков, как мы знаем, делали кивок в сторону собственного режима, «спекулировали» образом Китая в отстаивании своих взглядов на пути развития России. Так, известный русский публицист, обозреватель журнала «Вестник Европы» Л.З. Слонимский в очерке с символическим названием «Желтая опасность» (в оригинале – в кавычках) писал о Китае буквально следующее: «Китай в полной мере осуществил идеал административного все-

властия, народного бесправия и молчания, официального самодовольства и всеобщей закоснелости мнимых национальных традиций, – идеал, столь настойчиво предлагаемый нашей лжепатриотической печатью...». Л.З. Слонимский противопоставлял Китай Японии, которую оценивал, наоборот, положительно – за то, что она «последовала другим примерам и сразу выдвинулась на степень первоклассной державы Дальнего Востока».

Как же поразительно современно звучат подобные мысли! Ведь почти те же самые идеи высказывает уже в новом, возрожденном русскими либералами, «Вестнике Европы» современный отечественный публицист О.Р. Лацис. Его статья в одном из номеров журнала, под названием «Почему Россия не Китай», по существу, является ответом на нашу мемуарную книгу А. Паршева «Почему Россия не Америка» крайне правого, того самого «лжепатриотического» толка. Таким образом, по-прежнему Китай используется в отечественной публицистике в роли нравоучительно-историсофского символа. Наверно, это говорит об определенной преемственности некоторых публицистических стереотипов – по крайней мере, в нашей стране.

Но в более широких кругах, чем вечно спорящие представители русской общественной мысли, «западники» и «славянофилы», Китай вовсе не является только знаменем идеологической борьбы. Как правило, на уровне массового сознания отношение одного народа к другому определяется такими факторами, как, например, соматический и политико-идеологический. Но важную роль во взаимовосприятии народов в массовом сознании играет и уровень развития межнациональных контактов в общественной, в частности, в экономической, в культурной сферах, положительные или отрицательные факты таких взаимоотношений. Несмотря на то, что в истории взаимоотношений двух народов случались негативные факты, все же можно констатировать наличие определенной дружественной тенденции в отношении русских к китайцам (и наоборот) на протяжении нескольких столетий. Так что преемственность в восприятии Китая наблюдается не только в публицистике.

Продемонстрировать наличие этой тенденции можно на следующие примеры. Для начала XX в. источником может служить переписка некой госпожи W., жены одного офицера, проживавшей в Китае, в Южной Манчжурии, в 1900–1903 гг. (во время русско-китайского или, точнее, европейско-китайского столкновения). Эта переписка опубликована в нескольких номерах того самого «Вестника Европы» (№4–6 за 1904 г.). Судя по словам г-жи W., несмотря на состояние политического конфликта, «русские и китайцы братски живут рядом». По ее словам, даже отношения «рядовых чинов и китайцев», где нет никакой политической наигранности – «чисто братские». И г-жа W. приводит в

своих письмах множество примеров, подтверждающих «братский» характер взаимоотношений русских и китайцев.

Что касается современного отношения россиян к китайцам, то о нем можно судить гораздо легче, так как теперь появились социологические опросы. Судя по данным одного из таких опросов, у граждан современной России сохраняется в основном благоприятное отношение к Китаю. Так, опрос, проведенный в 2002 г. фондом «Общественное мнение», показал следующую картину. Отвечая на вопрос о том, какой образ Китая сложился в представлении граждан, 42% респондентов ответили, что положительный. Этот опрос, однако, выявил и тот факт, что на отношение к Китаю даже у рядовых россиян в настоящее время значительное влияние оказывает политико-идеологический фактор идентификации собственной культуры. Судя по опросу, у молодого поколения, которое после либеральных реформ больше ориентируется на Запад, сложилось более осторожное отношение к Китаю, а у старшего поколения, настроенного более почвеннически-консервативно, напротив – наиболее благоприятное отношение к Китаю.

Специфичным является, конечно, отношение к Китаю россиян, живущих в приграничных с ним регионах. По данным одного из опросов середины 90-х гг., 64% населения южной части Дальнего Востока выражало опасения в связи с угрозой китайской демографической экспансии. Думается, что негативное или осторожное восприятие Китая в этих регионах в значительной мере было вызвано не столько политическим фактором, хотя в середине 90-х внешняя политика России еще давала сильный крен в сторону Запада, сколько фактором, условно говоря, экономическим. Ведь именно пограничные регионы первыми и, наверное, больше всего испытали на себе наплыв китайских товаров (не всегда качественных), в чем ощутили, в частности, угрозу собственной экономике. Однако, по мнению, например, А.В. Лукина, на отношение к китайцам здесь, в приграничных регионах, как и в остальной России, накладывает отпечаток также идеологический фактор, а именно «тот факт, что, несмотря на растущую популярность идеи азиатскости России, население даже крайних восточных регионов по традиции ориентируется на капиталистический Запад...». А по данным Е.А. Плаксена, среди жителей Приморья «наибольший интерес к дружбе с Китаем проявляют лица старше 60 лет и сторонники КПСС».

Одним из основных негативных факторов в восприятии Китая в отечественном массовом сознании является социально-экономический фактор. Он заключается, прежде всего, в ощущении, особенно в приграничных с Китаем регионах, определенной социальной и экономической угрозы со стороны Китая. Это связано с наводнением рынков китайскими товарами (зачастую некачественными), в чем видится угроза

собственной экономике и в миграционном наплыве китайского населения в эти регионы, особенно активно происходившем в начале 90-х и даже не вполне контролируемым местными властями.

В целом же, как мы выяснили, отношение к Китаю у россиян имеет определенную историческую специфику. Оно всегда было тесно связано с идентификацией собственной культуры. А с развитием средств массовой коммуникации и информации политико-идеологический фактор восприятия оказывает еще большее влияние на широкие слои общества. Однако отношение русских к Китаю и китайцам специфично еще и особой дружественностью к этому народу – тенденцией, которая, очевидно, имеет давние исторические корни. Эту дружественность необходимо всячески оберегать. И наука, в частности, может внести свой вклад в ее укрепление. В истории русско-китайских культурных связей еще очень много неизученного. В том числе, это относится к многовековой деятельности пекинской Духовной Миссии. Такие исследования, созыв соответствующих конференций актуальны и необходимы, на наш взгляд, не только с научной, но и с общественной точки зрения. И еще в заключение хотелось бы отметить, что, несмотря на изначальное предназначение «разделять», граница может и должна соединять людей разных культур. Существует немало примеров этому в истории, в том числе в истории Китая и России.

Литература

1. Афанасьев Е., Логвинов Г. Россия и Китай на пороге третьего тысячелетия // *Международная жизнь*. 1995. №11–12.
2. Лацис О.Р. Почему Россия не Китай // *Вестник Европы*. 2001. №2.
3. Лукин А.В. Образ Китая в России (до 1917 г.) // *Проблемы Дальнего Востока*. 1998. №5–6.
4. Он же. Эволюция образа Китая в России и русско-китайские отношения // *Неприкосновенный запас*. 2003. №3 (29); электронная версия: <http://nlo.magazine.ru/philosoph/sootech/sootech65.html>
5. Православие на Дальнем Востоке. 275-летие Российской Духовной Миссии в Китае / Сост. сборника Н.А. Самойлов. СПб., 1993.
6. Самойлов Н.А. Образ Китая в России: историография вопроса и методология изучения. (Тезисы доклада на XX научной конференции по историографии и источниковедению истории стран Азии и Африки 6–7 апреля 1999 г. в Санкт-Петербурге): <http://orient.pu.ru/conferences/april1999/054.html>
7. Слонимский Л.З. «Желтая опасность» // *Вестник Европы*. 1904. №4–5.
8. W. Из жизни на Дальнем Востоке. 1900–1903 гг. // *Вестник Европы*. 1904. №4–6.

Обсуждение доклада

Шупик Г.Ф.: В силу своих профессиональных возможностей, я в течение достаточно долгого времени работал с китайцами. Они к нам относятся презрительно. Причём первоначально, когда начинаешь работать с ними – что называется, «застёгнуты на все пуговицы». Затем, когда через некоторое время контакты налаживаются – «у вас это плохо, то плохо, у вас всё плохо, да и вообще вы негодяи, и зачем вы живёте на земном шаре?». Причём это практически не скрывают, особенно когда поработаем с полгода, с год, когда к тебе какое-то доверие возникает. Мне кажется, что, учитывая то, что до сих пор с повестки дня в Китае, по крайней мере, на официальном уровне, окончательно не снят вопрос по территориальным претензиям, то при нашей демографической ситуации, и при том наплыве китайцев, я боюсь, что через некоторое время мы будем ещё хуже, чем дальневосточники, относиться к китайцам.

Козулин В.Н.: Мне бы хотелось сказать, что здесь нужно более осторожно относиться к такого рода высказываниям, нужно учитывать, где и при каких обстоятельствах они делаются. Нужно учитывать, действительно, отношение разных слоёв населения Китая к русским, то есть, нельзя так обобщать, мне кажется.

Шупик Г.Ф.: Это интеллигенция так высказывается.

Козулин В.Н.: Да, но у интеллигенции бывают разные тенденции, вот о чём я говорил в докладе, то есть и положительные тенденции, и отрицательные. Очень опасно обострять ситуацию. На мой взгляд, в целях оптимизации межнациональных отношений всё-таки надо обращать больше внимания на факты положительные, стараться это оберегать и укреплять, хотя есть, разумеется, очень много негативного в истории Китая и России, мы это все прекрасно знаем, но это не способствует укреплению отношений Китая и России.

Притчина Е.В.: Вы сказали, что сегодня в массовом сознании наиболее положительный образ Китая существует у людей старшего возраста, и Вы связываете это с традицией братской дружбы двух народов, которые под коммунистическими знамёнами шли в светлое будущее. Но не видите ли Вы здесь противоречие? Меня вот что интересует. Вы помните, что в советские времена отношения КПСС и КПК были омрачены достаточно серьёзными разногласиями в годы «культурной революции». И в официальной идеологии формировался имидж Китая очень далёкий от такого позитивного образа. Так вот, почему именно сегодня те люди, которые являются приверженцами коммунистической идеологии, так позитивно относятся к Китаю?

Козулин В.Н.: Я должен сказать, что у сторонников современной Коммунистической партии произошло очень много и других перемен в

мировоззрения, и не только в отношении Китая. Если КПСС до этого была более интернациональной партией, то теперь это стала патриотическая и достаточно консервативная партия и, как известно, лидеры КПРФ не пренебрегают, допустим, показаться в церкви. То есть, изменилось отношение к религии, изменилось очень многое, КПРФ эволюционировала, и это влияет на отношение сторонников КПРФ. Поэтому, если Китай тогда воспринимался негативно, то теперь Китай стал символом другого: символом патриотизма, сохранения самобытности, патриархальности, консерватизма, чего нет у нас в России, от чего мы ушли. Мы ориентируемся сейчас на Запад, а Китай по-прежнему сохраняет своё лицо, и вот это – основная идея, которая влияет на сторонников КПСС, почему у них такой положительный образ Китая.

Д.В. Николаенко

Сотворение Алтая в советский период

Наш основной тезис – социо-культурное освоение территорий есть исторический процесс. Он длится сотни лет. При доминирующей методологии его рассмотрения анализируются необоснованно короткие промежутки времени. Имеет место массивированное манипулирование информацией о прошлом. Нормальное дело – использование фальсифицированных источников информации. Эмпирический материал создается под обоснование идеологической точки зрения.

В теории социо-культурных систем (СКС) проводится принципиально иной подход к анализу процессов освоения территорий. В том числе, систематически рассмотрен случай с Алтаем. Государственные границы творятся. Линия на карте подтверждается социо-культурной ассимиляцией территорий и их населения. Процесс носит синергетический характер.

Коротко о советских преобразованиях Алтая. Теленгиты Чуйской долины до 1865 г. были двоеданцами. То есть, они были подданными двух государств – Китая и России. Вплоть до 1930-х гг., теленгиты и казахи Чуйской долины, которых в Российской империи называли киргизами, были кочевниками. В том числе, они пересекали государственную границу. Но теленгиты и казахи общались с родственными людьми, живущими в Монголии. Перевал Ташанты (2 770 м) позволял такое общение. Природные ландшафты по обе стороны границы мало различались.

С нашей точки зрения, народы Алтая по обе стороны границы не особенно различались до определенного и исторически позднего периода времени. Но постепенно различие между ними начинает целенаправленно развиваться. В основании такой эволюции лежат социо-культурные процессы. Граница закрывается и начинается социо-культурная переработка территории и населения.

Такого рода процессы есть частный случай социо-культурного переосвоения территорий и их населения. Небольшой народ теленгиты, как и родственные им народы, начинает рассеиваться государственной границей. Дело не только в том, что граница государственная. Дело в том, что она начинает разделять два социо-культурных образования. Это российская СКС, которая расширила свои территории, и была ориентирована на переработку пространства, включенного в пределы своего государства (Российской империи – СССР). С другой стороны, есть буферная зона, в виде государства Монголия, созданного в Петербурге, по инициативе Российской империи. Она разделяет китайскую и российскую СКС. Государственные границы такого рода имеют очень жесткий характер и являются сильнейшим фактором развития местных этносов по строго определенному пути.

В таких ситуациях небольшой народ начинает активно преобразовываться. Итогом становится то, что в 1947 г. теленгиты описываются уже как отдельный народ. При этом теленгиты уже коренной народ Чуйской долины, якобы не связанный со своими соседями, по ту сторону недавно возникшей государственной границы. В 1994 г. они исчезают и рассматриваются как часть «алтайского народа», являющегося коктейлем из различных этнических групп.

Думается, нечто аналогичное происходит и по другую сторону границы, в Монголии и Китае.

Чуйская долина на протяжении длительного времени была своего рода перевалочной базой в контактах России, Монголии и Китая. Опять же, для громадного большинства территорий СССР это совершенно нехарактерная функция. Только некоторые пограничные территории выполняют такого рода контактную функцию, и только в определенный период времени. Часто граница закрывается на долгое время, и перевалочный район становится тупиком. Обычная история пограничных территорий. Районы такого типа можно назвать триггерными. Они имеют два равно характерных и полярных состояния – открытость и закрытость. Ритмика открытости и закрытости может быть различной. Например, кратковременные периоды открытости могут сменяться закрытостью, и наоборот. Как показали исследования, триггерные районы «имеют место быть» и в российской СКС.

У СССР были враги. Врагов было много. Одним из необычных врагов Советской власти был кочевой образ жизни. С нашей точки зрения, кочевой образ жизни позволял теленгитам и казахам сохранять свою этническую и социо-культурную специфику. Кочевничество не только экономическая потребность, и не только хозяйственная деятельность. Вокруг кочевого образа жизни и кочевого животноводства протекала вся

жизнь этих людей, воспроизводились их социо-культурные стандарты. Именно по этой причине с кочевым образом жизни стали бороться. Разумеется, декларировалось нечто совершенно иное.

Времена изменились. Казахи и теленгиты попадают под пресс конкуренции китайской и российской СКС. Начинается активная социо-культурная переработка местных народов. Она идет и под флагом изменения экономической специализации региона. На смену животноводству приходит земледелие, как вид деятельности, драматически влияющий на весь уклад казахов и теленгитов.

Р.М. Кабо пишет, что с кормами у животноводов Чуйской долины проблемы. Проблемы кормов решаются на основании искусственного орошения долины. Обычно итогом такого рода «помощи» является исчезновение этноса. Корма появятся в большом количестве, не станет народа. Так и произошло с теленгитами в советский период времени.

Кабо пишет: «земледельческое освоение высокогорий представляет собою весьма интересную проблему как раз в условиях Чуйского высокогорья, где она является географической проблемой по преимуществу. В наступлении человека на природу проявилась та новая сила, которую приобрел советский человек, и которую он заставил себе служить, благодаря новым производственным отношениям. Это – сила науки».

Интересно следующее. В российской СКС гигантское количество территорий и очень мало, для СКС, населения. Некоторые территории весьма благоприятные, в природном отношении, для хозяйственного (земледельческого) освоения. С точки зрения продуктивности сельского хозяйства, если его продуктивность кого-то, конечно, интересует, можно найти массу альтернатив Чуйской долине. Нет оснований сражаться с природой именно здесь, и упражняться в новой силе давления на природу. Но это делается. Зачем? Причина проста. Дело не в экономической целесообразности. Дело в социо-культурном переосвоения территорий. Фактором размещения производительных сил в геополитически опасных районах или районах социо-культурного переосвоения, является разрушение старого стандарта и формирование нового. Новый стандарт формируется не под более эффективное ведение хозяйствования, а только под изменение пропорций населения региона, его систематического переосвоения.

Результат развития растениеводства в Чуйской долине не есть создание прочной кормовой базы для местного животноводства. Результат развития растениеводства в Чуйской долине = ассимиляция местного населения + заселение района определенным количеством русского населения + социо-культурное обоснование данной границы России и Монголии. После проведенных «хозяйственных» реформ сопредельные

районы, исторически недавно разделенные государственной границей, стали существенно различаться в социо-культурном отношении.

Над советским сельским хозяйством много потешались. В основном по причине его экономической неэффективности. История с земледельческим освоением высокогорной Чуйской долины есть строка в большой и, казалось бы, неудачной книге советского сельского хозяйства. Но все зависит от того, как читать эту страшную и странную книгу. Есть два варианта.

1. Если считать, что целью сельского хозяйства является производство конечной сельскохозяйственной продукции, то это каскад странностей, бреда, неудач. Проходит череда таких «принятых управленческих решений», что невозможно найти их аналогов ни у одного, даже самого жесткого, российского сатирика.

2. Если считать целью сельского хозяйства освоение территорий, и рассматривать его, как частный случай социо-культурного освоения и переосвоения территорий, то советский вариант есть пример высокоэффективного хозяйствования.

Мы рассуждаем в терминах теории СКС и однозначно говорим, что второй подход более корректен. Сельское хозяйство, равно как промышленность, транспорт, сервис, и что угодно, не могут рассматриваться сами по себе, только как нечто, направленное на свой конечный результат. Они есть способ воспроизводства социо-культурных стандартов и генерирования определенного типа социо-культурных новинок.

Изменить сделанное нельзя. Но его можно научно описать. Методология теории СКС предлагает новый вариант такого описания. У нас нет критического анализа советской политики. Она есть часть природы. Наше дело – исследование реальных процессов социо-культурных преобразований, вне зависимости от собственных моральных оценок происходящего. Они ничего не меняют в происходящем.

Литература

1. Кабо Р.М. Высокогорные степи Чуйской долины Алтая (природа и население) // Вопросы географии. Сб. 5. М., 1947. С. 102.
2. Николаенко Д.В. Сотворение Крыма. Претория. 2003 / www.nikolaenko.ru. Народы России. М., 1994. С. 82–85.

С.Ю. Ножкин

Большой Алтай: институализация межрегионального сотрудничества

Под институализацией межрегионального, приграничного сотрудничества подразумевается переход от бессистемных связей к совместным действиям, которые координируются в рамках общих органов сотрудничества, в соответствии с совместно определенными целями и задачами.

Сотрудничество России, Казахстана, Китая, Монголии в Большом Алтае, объединяющем Алтайский край, Республику Алтай, Восточно-Казахстанскую область, Сынцзян-Уйгурский автономный район, Ховдский и Баян-Ульгийский аймаки, обусловлено историческими обстоятельствами. В течение многих столетий это гигантское горно-степное пространство связывалось культурными, этническими, торгово-экономическими, политическими, миграционными связями.

В конце XX – начале XXI вв. двусторонние межрегиональные и межгосударственные связи в Большом Алтае активизировались и стали приобретать многосторонний характер. Возникла необходимость совместного обсуждения и поиска путей устойчивого социально-экономического развития всего региона. Об этом свидетельствуют международные конференции, проходившие в Урумчи (КНР) в 1998 г., Рубцовске (РФ) в 1998 г., Алтае (КНР) в 2000 г., Ае (РФ) в 2000 г., Барнауле (РФ) в 2000 г., Белокурихе (РФ) в 2002 г. Практически на каждой конференции предлагалось создать различные общекординативные структуры, в рамках которых можно было совместно выработать предложения по решению актуальных вопросов развития Алтайского региона.

Однако только в рамках финансируемых международными организациями экологических проектов практически начался процесс институализации межрегионального сотрудничества на Алтае в природоохранной сфере.

Так, для обеспечения координации между проводимыми с 1998 г. ПР ООН, ГЭФ веб-проектов в Монголии, Казахстане и России по сохранению биоразнообразия в Алтае-Саянском эко-регионе образован Региональный координационный Комитет, в который вошли представители центральных природоохранных ведомств трех государств, а также администрации ряда сопредельных регионов.

В целях разработки концепции трансграничной биосферной территории для устойчивого развития Алтая (ТБТ «Алтай») с участием представителей науки, региональных и центральных властей Монголии, Китая, Казахстана и России, ЮНЕСКО, ПРООН, ГЭФ, ВФДП создан Координационный совет по разработке ТБТ «Алтай».

Однако эти структуры не являются достаточно эффективными в силу отсутствия соответствующей нормативно-правовой базы межгосударственного сотрудничества, а также необходимой поддержки на региональном и центральном уровне.

В этой связи особого внимания заслуживает инициатива руководителей законодательных (представительных) органов власти по созданию Международного Координационного Совета «Наш общий дом – Алтай» (МКС), основная задача которого состоит в развитии диалога и консуль-

таций между законодательными ветвями власти сопредельных регионов Большого Алтая. К сожалению, Постоянный комитет Собрания народных представителей СУАР не представлен в МКС. Рабочие контакты осуществляются с Комитетом по науке и технике Народного Правительства СУАР КНР.

Проводимые под эгидой МКС проекты направлены на формирование общего информационного и правового пространства Алтайского региона (сайт «Алтай трансграничный», конференции по правовым аспектам межрегионального взаимодействия), молодежной элиты Алтая (Летняя международная студенческая школа), выработку общих подходов в решении региональных экологических проблем (конференции, комиссия МКС по экологической политике и устойчивому развитию). Более подробно с проектами, задачами, структурой, планами работы МКС можно ознакомиться на сайте «Алтай трансграничный» (www.altaiinter.org).

В МКС «Наш общий дом – Алтай», в отличие от Регионального координационного Комитета и Координационного совета, ярко выражена заинтересованность и поддержка региональной элиты – руководителей законодательных ветвей власти. Но при этом недостаточно эффективным является участие соответствующих представителей китайских органов власти.

Несомненно, что роль этих межрегиональных институтов очень важна на современном, начальном этапе взаимодействия. Но процесс институализации сотрудничества в Алтайском регионе только набирает силу и еще не является необратимым явлением. Необходимо укрепление и продвижение самой идеи сотрудничества в широких слоях населения, политических кругах, на уровне органов исполнительной власти регионального и центрального уровней во всех сопредельных государствах.

Реально и необходимо использовать европейский опыт по созданию по аналогии с «еврорегионами» своеобразного «азия-региона» (подробнее см.: С. Ножкин, «Состояние и перспективы приграничного сотрудничества в Алтайском регионе в свете европейского опыта» на [http:// altaiinter.org/publication/](http://altaiinter.org/publication/)).

Особенно важна политическая поддержка со стороны четырех столиц, закрепленная в соответствующем межгосударственном соглашении, без которой предпринятые инициативы будут просто бессмысленны. Поэтому регионы должны помочь своим Центрам осознать, что многостороннее сотрудничество на стыке границ будет содействовать укреплению международной безопасности и стабильности в Центральной Азии в целом. Межгосударственное сотрудничество в Большом Алтае отвечает национальным интересам всех сопредельных госу-

дарств, служит каналом реализации этих интересов, а также договоренностей, достигнутых в рамках двусторонних и многосторонних соглашений, межгосударственных объединений, например ШОС, на региональном уровне.

Е.В. Тарасова

Граница и миграционный обмен с КНР в оценках восточноказахстанцев

В июле 2003 г. в рамках проекта «Приграничная миграция в Казахстане: состояние, проблемы и перспективы» автором было опрошено 500 респондентов – 300 в областном центре г. Усть-Каменогорске и 200 в населенных пунктах Тарбагатайского района. Опрашивались лица, имевшие опыт поездок в КНР. Респонденты подбирались по принципу «снежного кома». Респонденты казахской национальности составили 78,4% от всех опрошенных. Национальный состав мигрантов обусловлен этнической структурой населения области и, в особенности, приграничных районов Казахстана и Китая, наличием родственных связей между казахским населением ВКО и Синьцзяна.

Отношение к Китаю и мигрантам из КНР

Проводившиеся по заказу Восточно-Казахстанского областного акимата для изучения этнополитической ситуации социологические опросы неоднократно показывали, что Китай возглавляет список стран, в которых восточноказахстанцы видят источник угрозы для своего государства и региона. В частности, в апреле 2003 г. Китай в качестве источника угрозы назвали 49,2% опрошенных, Афганистан – 43,7%, США – 18,3%.

По данным проведенного нами опроса, большая часть респондентов, бывавших в КНР, оценивают Китай в позитивном ключе, может быть, вследствие того, что их представления о соседней стране и ее населении более реалистичны и у них ниже уровень ксенофобии. Наиболее значительное количество позитивных оценок получено при опросе в селах Тарбагатайского района: там 26,1% воспринимают КНР как вторую родину, 24,6% – как дружественную страну, 38,2% – как соседа. В областном центре оценки более умеренные: 25,7% опрошенных воспринимают КНР как хорошего соседа, 60,7% – просто соседа. Удельный вес негативных оценок незначителен, но он в три раза выше в селе, чем в городе, и в среднем составляет 2,6% от всей совокупности.

Демографическое давление Китая на Казахстан является одним из клише, которые прочно укоренились в массовом сознании. При этом по официальным данным число прибывающих на постоянное место жительства из КНР в Восточно-Казахстанскую область крайне незначительно. До 1996 г. данных о количестве переселенцев нет. Самый

высокий показатель миграционного сальдо составлял 7 человек в 2002 г. Миграционный обмен идет между городскими поселениями, национальность выбывших и прибывших – казахи. Ни по абсолютным показателям, ни по этническому составу прибывающих на экспансию это не похоже.

Тем не менее, у населения Восточного Казахстана в целом существуют серьезные опасения по поводу приезда на постоянное место жительства в ВКО выходцев из Китая: по степени неприятия местным населением они уступают первенство только чеченцам. Отвечая на вопрос «Как Вы относитесь к прибытию на постоянное место жительства в Казахстан переселенцев из других государств?» в августе 2003 г., 70% опрошенных восточноказахстанцев указали, что они обеспокоены перспективой прибытия мигрантов из Чечни, 57,4% – из Китая. Очевидно, здесь большую роль играет культурная дистанция, исторический опыт межэтнических контактов, а также формируемый СМИ и политиками образ той или иной страны (региона).

В целом те, кто имеет опыт поездок в Китай, более толерантно относятся к приезду в Казахстан китайских торговцев-челноков, студентов, а также оралманов – представителей казахской диаспоры. Жители областного центра почти не замечают усиления присутствия китайцев в регионе: велик удельный вес тех, кто считает, что ничего не изменилось, либо отмечает, что граждане КНР стали посещать Усть-Каменогорск реже (27,0% и 21,6% соответственно). Напротив, 63,5% жителей села считают, что граждане КНР стали приезжать в их населенные пункты чаще, чем раньше. В Усть-Каменогорске это мнение разделяют лишь 28,0% респондентов.

Значительную роль в формировании отношения к мигрантам играет истолкование целей их приезда. В областном центре на первом месте стоят следующие мотивы: челноки (25,3%), дела, связанные с бизнесом (21,5%), приезд к родственникам (18,%). При этом первое и второе, очевидно, могут быть тесно взаимосвязанными. В селах приграничья в качестве объяснения целей приезда граждан КНР с большим отрывом лидируют поездки к родственникам (48,2%). За ними следуют поиск постоянной работы (11,3%) и дела, связанные с бизнесом (10,8%), к ним примыкает челночная торговля (9,7%).

Оценка условий пересечения границы

На территории ВКО есть два международных перехода – Бакты и Майкапчагай на границе с Алтайским округом СУАР. Большая часть опрошенных жителей приграничных сел пересекает границу через таможенный пост Майкапчагай (81,8%). Жители Усть-Каменогорска пользуются в равной мере переходами Майкапчагай и Бакты (53,9% и 46,1% соответственно).

Респондентам был задан вопрос о сроках оформления визы. У большинства жителей областного центра эта процедура занимает около месяца (46,7% ответивших на вопрос), 19,3% опрошенных указали, что на это уходит два и более месяца, у 15,0% – одна-две недели (ускоренное оформление за дополнительную плату). У жителей села на получение визы уходит больше времени: у 38,3% – два и более месяца, у 14,0% респондентов – около месяца. Среди жителей приграничных сел очень высока доля тех, кто затруднялся ответить: 31,1% (в областном центре всего 13,7%). Видимо, сельские жители чаще прибегают к услугам посредников при оформлении визы.

Устькаменогорцы в большинстве считают, что процедуры пограничного и таможенного контроля в последнее время усложнились (41,3% ответивших), но достаточно высок удельный вес тех, кто не заметил никаких изменений или затрудняется дать оценку (29,1% и 27,4%). Среди жителей приграничного района очень высока доля тех, кто затруднился ответить – 40,3%. Можно предположить, что основная масса респондентов ездит в КНР не так часто, чтобы отслеживать изменения в процедуре пересечения границы.

В определении неудобств, имеющих место при пересечении границы, выявились значительные различия между областным центром и районом. Считают, что никаких неудобств нет вообще, 67,9% жителей Тарбагатая.

Единственное «дискомфортное» обстоятельство – необходимость заполнять большое количество бумаг – было отмечено 19,2% опрошенных. Как неудобство оценили таможенную проверку 7,7% респондентов. Жители областного центра менее лояльны: на отсутствие неудобств указали лишь 36,0% опрошенных. 39,4% горожан недовольны большим количеством бумаг. У 10,6% вызывает дискомфорт таможенная проверка или способ ее осуществления: в частности, 7,6% респондентов считают, что к ним проявляли неуважение.

Удельный вес тех, кто столкнулся со взяточничеством на границе, выше в селе (2,6% против 1,7% в городе). В целом по совокупности этот показатель составляет 1,9%. Можно предположить, что этот вопрос относится к категории проблем, которые предпочитают не обсуждать. Таким образом, большая часть мигрантов либо не считает существующий порядок пересечения границы чрезмерно сложным и неудобным, либо недовольна преимущественно бюрократическими проволочками (43,9% и 34,4% соответственно).

Выгоды и неудобства проживания в приграничье

Близость границы неизбежно накладывает отпечаток на условия жизни населения. Определяя основные преимущества от своего про-

живания в зоне казахстанско-китайского приграничья, большинство респондентов обратили внимание на то, что граждане КНР привозят в страну дешевые товары (36,0% в городе и 24,6% в селе, в среднем 31,5%). В качестве «плюсов» приграничья горожане также отметили работу в соседней стране (10,0%) и возможность перепродавать товары (9,7%). Идея использования труда китайских мигрантов не пользуется особой популярностью. Довольно значительная часть опрошенных не видит никаких особых выгод: такого мнения придерживаются 33,3% респондентов в Усть-Каменогорске и 56,8% в Тарбагатайском районе.

Но, в то же время, одна треть опрошенных в городе и в селе (38,3% и 33,3%) считают, что на сегодняшний день нет также и каких-либо специфических проблем, связанных с границей. Больше всего население беспокоят трудности в общении с людьми по другую сторону границы (17,7% в областном центре и 27,3% в селе) и удаленность административных центров. Лишь небольшая часть горожан обеспокоены тем, что мигранты могут отнять у них рабочие места (указали 17,3% респондентов).

Оценка влияния визового режима в значительной степени дифференцируется по месту опроса. 41,3% опрошенных жителей Усть-Каменогорска указали на то, что пересекать границу сложно, но при этом отметили значимость пограничного контроля как фактора безопасности (19,7%). Жители сел гораздо больше обеспокоены тем, что визовый режим ограничивает контакты (35,7%), но, в то же время, несколько острее, чем горожане, осознают его важность для обеспечения безопасности (25,0%).

Пожелания по улучшению условий жизни в приграничье связаны прежде всего с облегчением процедуры пересечения границы: в этом заинтересованы 32,3% горожан и 50,5% респондентов в селе. Для жителей областного центра также важны вопросы контроля за нелегальной трудовой миграцией, беспošлинной торговли и организации совместного производства. Среди тех, кто призывает открыть границы, больше жителей приграничных сел; среди тех, кто выступает за строгий паспортный контроль, больше горожан. В целом различия в пожеланиях обусловлены мотивацией поездок в Китай и ее территориальной дифференциацией.

Таким образом, все аспекты казахстанско-китайской миграции и жизни в зоне приграничья в восприятии респондентов в значительной мере дифференцированы по месту опроса. Население воспринимает визовый режим в его нынешней форме как необходимый атрибут приграничья, но все же стремится к некоторому его смягчению.

Обсуждение доклада

Козулин В.Н.: Доклад мне очень понравился, тем более, что он пересекается с темой моего вчерашнего выступления. Меня заинтересовало то, что Вы в своём докладе упоминали об образе Китая в Восточном Казахстане, который распространился благодаря СМИ. Меня заинтересовал вопрос не только о Восточном Казахстане, но о Казахстане в целом. Не могли бы Вы сказать несколько слов об образе Китая в Казахстане и его специфике. Ну и, может быть, в особо известном Вам Восточно-Казахстанском регионе. Спасибо.

Тарасова Е.В.: Конечно, казахстанские СМИ трудно упрекнуть в открытом разжигании в какой-либо форме неприятия Китая и китайцев, но довольно часто публикуются материалы с информацией, допустим, о темпах экономического развития Китая, о том, что Казахстан очень интересуется Китаем, как сфера приложения капитала, как рынок бытовых товаров, и в любом качестве. И тут же нейтральная, казалось бы, информация направляется в нужное русло. Каким образом? Приводятся для сопоставления данные, допустим, по экономике Казахстана или негативная информация по поводу взаимоотношений с республиками СНГ, их недостаточного интереса и активности в этой сфере. И даётся возможность на бытовом уровне трактовать казахско-китайские отношения как экспансию, давление. Конечно же, в чистом виде резких, прямых высказываний мы очень мало найдём как в русскоязычной, так и в казахстанской прессе. И, тем не менее, подчёркивание демографического и экономического доминирования и преобладания Китая в регионе вызывает достаточно сложную реакцию.

Это во многом обусловлено историческими факторами. Тем, что Казахстан ещё с XVIII в. находился между двумя крупными державами и вынужден был искать какие-то формы взаимодействия. Хотя казахстанские ханства делали выбор в пользу России, восприятие Китая, как более сильной страны, которая несёт в себе угрозу подчинения и подавления – это, всё-таки, идеи не современные, а имеющие достаточно глубокие исторические корни. Это выражается даже в фольклоре (пословицах, поговорках). Так, у казахов есть достаточно известная поговорка: «Когда придут китайцы, не останется ничего лучше, чем русский брат». То есть, как альтернатива, противовес этой возможной угрозе Россия по-прежнему рассматривается. Молодёжь у нас сегодня грамотная, она знает, что численность населения Казахстана сокращается, что нас всего лишь 14 млн. 900 тыс. чел. По сравнению с миграционным потенциалом прилегающих китайских регионов – это достаточно слабая позиция, и на фоне постоянных призывов президента и других должностных лиц обратить внимание на неблагоприятную де-

мографическую ситуацию, опять-таки, это очень будоражит общественное сознание. И возможность неконтролируемой миграции из других регионов, а не только из Китая, в целом рассматривается как основная угроза национальной безопасности сегодня.

Хабенская Е.О.: Есть ли какая-то разница в предпочтительных формах занятости между казахами местными и казахами-репатриантами? И, может быть, есть какие-то данные по образовательному уровню тех и других. Это я спрашиваю в том контексте, что в России, например, известно, что между мигрантами и местным населением часто возникают враждебные отношения (местного населения к мигрантам), потому что мигранты воспринимаются как конкуренты на рынке труда. Существует ли здесь подобная ситуация?

Тарасова Е.В.: Что касается ситуации в России, то широко распространено мнение о том, что образовательный и квалификационный уровень мигрантов из постсоветских республик выше, чем у основной массы населения. Что касается оралманов в Казахстане, то здесь ситуация иная. Образовательный уровень достаточно невысокий и возможности адаптации к рынку труда в Казахстане, опять-таки, крайне низкие. До переезда в Казахстан большая часть оралманов занималась сельским хозяйством. Среди них, конечно же, есть люди творческих профессий достаточно высокой квалификации, которые легче встраиваются в существующие структуры и т.д. Но это единицы! Основная масса – те, кто был занят в аграрном секторе. И в российском, и в казахстанском селе взаимоотношения между местным населением и пришлыми группами складываются преимущественно конфликтно.

Курнышкин О.Ю.: Елена Владимировна, у меня вопрос в продолжение вышесказанного. Меня интересует динамика переселения этнических казахов из Китая и Монголии на территорию Восточного Казахстана. И, кроме того, я хотел бы задать такой вопрос. Как известно, часть казахов, которые в начале 90-х гг. XX в. переселились из Горного Алтая, потом вернулись обратно, причём значительная часть вернулась в Горный Алтай. Нет ли такого обратного процесса среди казахов?

Тарасова Е.В.: Спасибо за вопрос. Что касается динамики и особенностей развития данного миграционного потока, нужно отметить, что наиболее интенсивным он был в первой половине 90-х гг. XX в., когда руководство независимого Казахстана выступило с призывом возвращения на историческую родину. Это было услышано многими и, прежде всего, теми, кто не очень комфортно чувствовал себя в той же Монголии. Поэтому из Монголии – страны с низким уровнем социально-экономического развития, как раз, львиная доля репатриантов и прибывала. Сложности с обустройством, бюрократические проволочки с гражданством при-

водили многих на грань отчаяния и заставляли возвращаться в ту среду, в которой многие из них родились и выросли. И, в общем-то, разочарование от непоследовательности проводимой государственной политики очень велико в этой среде.

Сегодня мы можем говорить о том, что массового наплыва оралманов вряд ли можно ожидать. Потому что в тех же приграничных районах России, допустим, по многим параметрам ситуация более благоприятная. Казахи, проживающие в Оренбуржье, Омской области в общем-то не испытывают особого желания возвращаться на историческую родину. Они компактно проживают в этих районах, имеют возможность развивать свою национальную культуру и язык. В частности, существует возможность обучения в школах на родном языке. То есть, у них практически нет стимулов для переселения. Сам механизм переселения ведь предусматривал квотирование. Квота ежегодно утверждается президентом республики, причём подсчёт идёт семьями. В частности, на 2002 г. квота для переселенцев из Китая в Казахстан составляла 45 семей. Из них 25 семей планировалось разместить в Восточно-Казахстанской области. Но государственные статистические органы дают нам информацию, что в Восточный Казахстан прибыло всего 7 чел. На 25 семей, как вы понимаете, это не тянет. То есть, квота недовыполняется, и можно говорить о том, что этот механизм работать перестал.

Опять-таки, я должна была с самого начала сказать, что правительство Казахстана придавало очень большое значение идеологической программе репатриации, прежде всего потому, что долгое время казахи, как пишут в различных изданиях и учебниках, не были этническим большинством на своей родине. Баланс был восстановлен только к концу 80-х гг. XX в. Данные последней переписи показывают, что удельный вес казахского населения равняется 53% от общей численности республики Казахстан. И необходимость собирания казахского этноса была продиктована, прежде всего, необходимостью повышения удельного веса казахов в государстве. Об этом также писали, открыто, последовательно и долго. Но, опять-таки, программа эта особых результатов не дала. В 90-е гг. XX в. 200 тыс. казахов вернулись из пределов республики. Отток населения в отдельные годы составил до 1/3 всех прибывших, то есть, это как раз те, кто не смог обустроиться, решить все свои проблемы. Причём, причины и следствия могут быть разорваны во времени. Те, кто переехал в 1992–1993 гг., могли года 3–4 бороться с бюрократической машиной. И только после этого, исчерпав все возможности, средства, силы они принимали решение о возвращении.

Закрытие конференции

Чернышов Ю.Г.: Дорогие коллеги, пора подвести итоги. В прошлом году мы при закрытии конференции очень результативно обсудили то, какой теме посвятить следующую конференцию. Эта тема «высветилась» тогда буквально за 10 минут. Все говорили, что трансграничное сотрудничество – это актуально, это надо изучать, и мы наметили такую дискуссию. Думаю, что мы тогда не ошиблись в выборе темы. Просим и сейчас подготовить предложения по следующей конференции. Ваши предложения мы постараемся учесть.

Я надеюсь, что конференция, которая состоялась, помогла всем нам продвинуться в понимании выбранной темы. У нас прозвучало 14 докладов, в первый день насчитывалось более 60-ти участников, во второй день появились новые люди, то есть, всего было более 70 чел. К этому нужно добавить еще более 30 докладов на Интернет-конференции и ту дискуссию, которая завтра пройдет в Республике Алтай, – все это войдет в очередной «Дневник АШПИ». То, что мы издадим книгу по результатам работы и передадим её в том числе и в органы власти, надеюсь, будет способствовать развитию связей науки и практики. В целом можно сказать, что наша конференция прошла весьма удачно.

Я хотел бы поблагодарить гостей нашей конференции за интересные доклады. С прошлого года у нас заложена традиция – мы вручаем нашим гостям сертификаты об участии в конференции АШПИ. Просим гостей конференции получить их.

Особую благодарность хотелось бы выразить членам оргкомитета, которые потратили довольно много времени и сил, и ещё будут тратить их. В частности, это А.М. Бетмакаев, С.Н. Исакова, В.Н. Козулин, П.В. Рубцов, Е.В. Уфимская, а также члены студенческой молодёжной организации «Международник», которая является молодёжным отделением АШПИ.

По традиции мы также оставляем немного времени на «свободную трибуну». Здесь можно сказать всё положительное или критическое по поводу нашей конференции, и отдельно, может быть, высказаться по поводу темы следующей конференции. Пожалуйста!

Кобринский А.Л.: Я хотел бы поблагодарить Вас за прекрасную организацию конференции. Я действительно получил большое наслаждение. А также я хочу поблагодарить Ваших коллег и всех, кто принял участие в конференции, за высокую активность. Действительно, получаешь удовольствие, когда человек выступает, ему задают вопросы, причём не формальные и заранее подготовленные, а возникшие по ходу, экспромтом. Это всегда очень приятно, большое спасибо! Я у Вас в первый раз, и очень хотелось бы верить, что не в последний!

АШПИ, возможно, стоило бы уделить внимание на следующей конференции такой теме, как политика в области образования. У нас много проводится сейчас реформ, много идей. Мне кажется, что серьёзных рассуждений об этом нет. Я имею в виду не чиновничий уровень, а уровень исследователей – тех, кто занимался бы проблемами образования, может быть, с позиций практики. Так как для будущего России вопросы образования – это вообще краеугольный камень. Огромное спасибо за блестящую конференцию!

Филиппов В.Р.: Я хотел призвать к сотрудничеству. Мало кто знает, что я здесь в общем-то дома, потому как у нас в Алтайском университете создан филиал Центра цивилизационных и региональных исследований при РАН (ЦЦРИ РАН). Уже год этот филиал формально существует. Но, к сожалению, он не проявил себя в полной мере, так как директором филиала назначен профессор Алексеенко, а он никак не переберётся из Усть-Каменогорска в Барнаул. В силу этого сотрудничество наше развивается не так активно, как хотелось бы. Но, тем не менее, я вижу очень широкие возможности в этом контексте.

Я предлагаю всем желающим инициировать совместные исследования. Дело в том, что, насколько я знаю политику западных фондов, финансирующих всякого рода научные проекты, они сейчас охотнее всего солидно поддерживают проекты в регионах. Нам, москвичам, достаётся значительно меньше, чем вам, это очевидно! Они очень любят вкладывать деньги в исследования на Северном Кавказе и всё больше они проявляют интерес к Центральной Азии. Особенность фондов состоит в том, что они очень любят, когда в гранте участвуют как люди на местах, так и западные коллеги, которые являются специалистами по данному региону. В этом смысле мы можем выступить медиаторами: вы инициируете гранты, как делает это Тарасова Е.В., а мы ищем западных партнёров, которые могли бы принять участие в соответствующем исследовании. Возможны совместные исследования, экспедиции, статистические проекты и т.д. Короче говоря, мы готовы рассматривать любые ваши инициативы. Тем более, что есть филиал Центра в Барнауле, и вы можете непосредственно адресоваться к и.о. директора – В.Н. Владимирову.

Еще одна тема – совместное издание трудов. Мы готовы в неограниченных масштабах издавать совместные публикации, если они, конечно, соответствуют необходимому научному уровню. Для меня это было полным откровением, но В.Н. Владимиров уверил меня в том, что гриф Академии наук – это для вас хорошо, полезно, и что барнаульские учёные с удовольствием будут издавать свои труды под нашим грифом или двойным (Алтайского университета и РАН). Тем более, что филиал уже заявляет несколько сборников статей, которые

будут издаваться под грифом филиала ЦЦРИ РАН. Вы можете также принять участие в издательской деятельности филиала.

Господа, у нас есть несколько диссертационных Советов – по политологии, этнологии, истории. Этнологических Советов в стране очень мало, а у нас хороший Совет, то есть, если вас посетит мысль по этнодемографии, этносоциологии, этнополитологии – списывайтесь, заявляйте своё желание. Мы можем оказать вам поддержку при защите диссертации здесь или где-то. Если вам нужны отзывы, официальные оппоненты, отзывы на автореферат или ещё что-то – мы с удовольствием окажем поддержку!

Также есть возможность публикации ваших трудов на сайте ЦЦРИ РАН.

Тарасова Е.В.: Прежде всего, я хочу произнести слова благодарности в адрес организаторов. В прошлом году я этой возможностью не воспользовалась, а сегодня созрела. Атмосфера в ходе работы конференции замечательная, отношение очень доброжелательное, конструктивное обсуждение. По своему небогатому опыту участия в конференциях в России, я могу сказать, что далеко не всегда и везде это имеет место. Для нас очень много значит то, что развиваются партнёрские отношения с АлтГУ. Будем надеяться, что они будут также поступательно развиваться в перспективе.

Что касается тематики, то мы решили предложить обсудить проблемы демографической политики. Потому что этот аспект политики сегодня очень противоречиво развивается и часто, в России и Казахстане это можно зафиксировать, демографическая политика расходится с экономическим, социальным и внешнеполитическим векторами, то есть, приходит в противоречие с другими стратегиями развития государства. Демографические угрозы являются важными в ряду угроз, связанных с безопасностью. Демографические проблемы – это проблемы, связанные не только с миграцией, в том числе и нелегальной, но и всем, что связано с естественным движением населения и возможностью государства воздействия на эту сферу. Спасибо.

Романович Н.А.: Мне тоже хотелось бы в первую очередь высказать свою благодарность за прекрасную организацию конференции. Кроме того, у меня есть возможность сравнить, что было в прошлом году. Я хочу сказать, что и в прошлом году было хорошо, а сейчас ещё лучше, потому что более богатая культурная программа, организаторы позаботились буквально обо всём, в том числе и о нашем отдыхе.

По поводу возможной темы конференции, мне бы хотелось ещё раз вернуться к теме наркомании. У нас есть очень богатый материал. Опрошено 5 тыс. человек по России. Я знаю, что такое исследо-

вание не проводил никто, а это было сотрудничество 12-ти регионов, где была представлена не только Россия, но и каждый отдельный регион. Я знаю, что такая проблема существует и в Сибири, поскольку это территория транзита наркотиков, поэтому я думаю, что здесь могли бы быть сопряжены какие-то интересы. Мне хотелось бы обратить внимание на эту проблему. Спасибо.

Чернышов Ю.Г.: Спасибо за высокую оценку нашей работы!

Что касается следующей темы, то я, честно говоря, почувствовал, особенно по дискуссиям первого дня, что у нас назревает тема, связанная с национальной и региональной идентичностью. Международное сотрудничество, идентичность, стереотипы, имидж страны и региона, здесь же и политику в области образования можно вписать, и демографическую ситуацию. Может быть, в этом направлении достаточно широко сформулировать тему? Она будет связана с международными отношениями и межэтническими отношениями. Тогда тут все смогут принять участие – и этнографы, и политологи, и международники, и историки. Это будет достаточно широко и интересно, и мы продолжим рассмотрение того, что сейчас обсуждали. Договорились?

Тогда спасибо еще раз всем, и позвольте завершить нашу конференцию!